

Шеймас Макманус ИРЛАНДСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Свыше шестидесяти иллюстраций
и элементов оформления
Фрэнка Вербека

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Шеймас Макманус
(1867–1960)

Шеймас Макманус

ИРЛАНДСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Перевод
С. Г. Займовского

Иллюстрации
Фрэнка Вербека

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84(4)
УДК 821.111
М15

Текст в современной орфографии воспроизводится по изданию
С. Макманус. Ирландские народные сказки. Издание В. М. Саблина

Первые 100 пронумерованных экземпляров от общего
тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“».

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmero
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

М15 **Макманус Шеймас.** Ирландские народные сказки. — Санкт-Петербург:
СЗКЭО, 2023. — 144 с., ил.

Издание включает десять ирландских народных сказок, которые собрал и ли-
тературно обработал в первой половине XX в. писатель, драматург, поэт и ав-
тор «Популярной истории Ирландии» Шеймас Макманус. Все тексты даны
в переводе Семена Григорьевича Займовского. Книгу украшают оригиналь-
ные буквицы, орнаменты, заставки, а также более тридцати рисунков амери-
канского художника-иллюстратора Фрэнка Вербека.

ISBN 978-5-9603-0843-4 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0844-1 (Кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2023

Donegal fairy Stories

Collected and Told
by
Seumas MacManus

with illustrations by
Frank Verbeck

Dover Publications, Inc.
New York

Плэшем

ANCY and Shamus were man and wife...

Жили-были муж с женой, по имени Шэмус и Нэнси, и прожили они в мире и согласии круглых сорок лет. По соседству с ними жил молодой бездельник Рори, и приди ему в голову такая злая мысль: «Вот хорошо, кабы Шэмус помер, а я женился бы на Нэнси и получил в приданое дом, поле и все хозяйство». Вот он отправился к Нэнси и говорит:

— И что за охота такой прекрасной даме жить с таким старым, негодным хрычом, в котором больше хвори и всяких болячек, чем в ином яйце желтка! Избавься от него, и завтра же самый красивый в приходе юноша сочтет за честь назвать тебя своей женою.

Сперва Нэнси подняла его на смех; но Рори все не отставал от нее, и наконец Нэнси сказала ему:

— Я не верю тебе ни на грош. Ну, кто возьмет меня замуж, если Шэмус помрет?

— Да выбирай любого молодца во всем приходе, — ответил Рори. — Я сам готов тебя взять.

— И это правда? — спросила Нэнси.

— Клянусь честным словом, — побожился Рори.

— Ну, хотя бы ты на мне и хотел жениться, Шэмус, надеюсь, не помрет ни сегодня, ни через десять лет, — промолвила Нэнси.

— Это вполне зависит от тебя, — сказал Рори.

— Как так? — спросила Нэнси.

— Очень просто, ты можешь сжить его со свету.

— Я не хочу быть повинной в крови старика, — ответила Нэнси.

— Этого и не нужно, — сказал Рори.

Он присел возле Нэнси и растолковал ей, каким образом она может избавиться от Шэмуса, не проливая его крови.

Надобно сказать, что по соседству с Нэнси и Шэмусом жил некий принц Кональ. Он обитал в крохотной землянке, но его родители, когда еще не протранжирили всех денег, жили в пышном дворце. На другой день после беседы с Рори Нэнси отправилась к этому принцу и сказала ему:

— Не стыдно ли тебе, принц Кональ, жить в такой мерзкой хибарке?

— Знаю, что она мерзкая, — ответил тот, — но другой ведь у меня нет.

— Пустое, — молвила Нэнси. — Ты легко мог бы обзавестись другим, более приличным жильем, если бы захотел.

— Научи же меня, как это сделать, — ответил принц Кональ.

— Очень просто, — сказала Нэнси. — Мой Шэмус целый день бьет баклуши; заставь его выстроить тебе замок.

Принц засмеялся:

— Ну, куда бедному Шэмусу замки строить!

— Плохо ты знаешь Шэмуса, — ответила Нэнси. — Нет той вещи в мире, которой он бы не мог сделать, если захочет; но он так ленив, что, если ты не обломаешь ему, как следует, палкой бока, то ничего от него не добьешься.

— Так ли это? — спросил принц.

— Сушая правда, — ответила Нэнси. — Прикажи Шэмусу выстроить тебе замок в три недели под угрозой снять с него голову, если он этого не сделает, и у тебя будет великолепный замок.

— Ну, если только за этим остановка, — молвил принц Кональ, — то я не долго буду сидеть без замка.

И вот на другой же день он отправился к Шэмусу, вызвал его из избы, повел с собою на место, предназначенное для будущего замка, показал его Шэмусу и объявил ему свою неотменную волю — в три недели выстроить и отделать на этом самом месте княжеский замок.

— Но я никогда в жизни не строил замков, — возразил Шэмус. — Я этого дела не знаю и не выстрою замка и в тридцать три года, а не то что в три недели.

— Ну нет, — молвил принц, — мне известно, что во всей Ирландии нет человека, который сумел бы так хорошо и быстро выстроить дворец, как ты — если только ты этого захочешь. И если ты не соорудишь на этом месте в три недели замка, — прибавил он, — то не сносить тебе головы. Понял?

И он ушел, оставив Шэмуса на месте с разинутым ртом.

Услыхав такую вещь, Шэмус сильно струхнул; он знал, что принц Кональ шутить не любит, и ему не большого труда стоит лишить жизни человека, чем раздавить какую-нибудь козлявку. Сел он наземь и залился горькими слезами; не успел он как следует поплакать, как к нему подошел Рыжий Старичок и спросил:

— О чем плачешь, Шэмус?

— Горе мне, дедушка, — ответил Шэмус, — лучше и не спрашивай, все равно ничем не поможешь.

— Ну, это еще неизвестно, — отвечал Рыжий Старичок. — Хуже во всяком случае не будет, рассказывай.

Чтобы облегчить душу, Шэмус решился, наконец, рассказать, какая участь ждет его от руки принца Коналя, если он в три недели не выстроит замка на указанном месте.

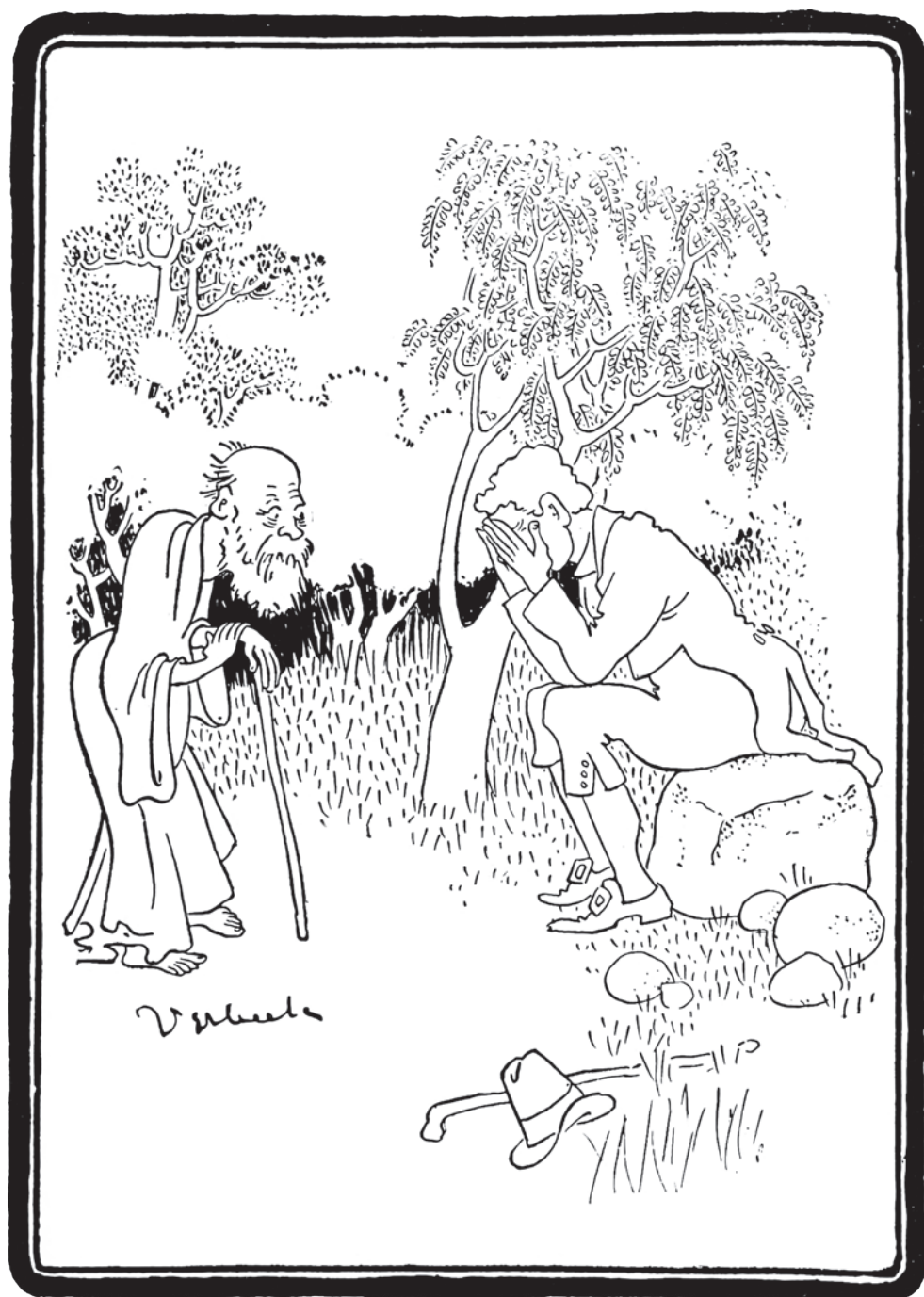
И молвил ему старичок:

— Нынче вечером, когда взойдет луна, ступай в Долину Фей. На вершине ската, под качающимся камнем, ты найдешь белый прут. Возьми этот прут с собою и начерти им план замка здесь на песке, потом положи прут на прежнее место. И пока ты добредешь обратно, твой замок будет готов.

В ту же ночь на восходе луны Шэмус, как легко догадаться, сходил к качающемуся камню в Долину Фей и взял оттуда белый прут.

Потом он отправился на холм, на котором должен был выстроить принцев замок, нацарапал кончиком прута весь план и отнес прут на то место, где взял его.

Утром принц Кональ проснулся и вышел из своей землянки подышать чистым воздухом, да так и выпучил глаза: перед ним возвышался великолепный замок, отделанный с царской пышностью. Не теряя времени, принц отправился благодарить Шэмуса, выстроившего для него такой чудес-

К плачущему Шэмусу подошел Рыжий Старичок.

ный замок. Узнав, что замок готов, Нэнси чуть не лопнула от злости.

Вышла она из избы, поглядела на замок, подивилась, но не сказала ни слова. В этот же день она вела о чем-то продолжительную беседу с Рори, а от него отправилась к принцу Коналю, которому сказала:

— Ну что, не говорила ли я тебе, что Шэмус на все руки мастер?

— Да, твоя правда, — ответил принц, — и я тебе очень признателен. Я теперь устроен на всю жизнь, и не забуду тебя и Шэмуса.

— Устроен! — вскричала Нэнси. — Да ведь твое имение и наполовину не закончено.

— Как так? — удивился Кональ.

— А как же, — ответила она: — ведь нужно, чтоб перед замком протекала река, обсаженная деревьями, на которых распевали бы птички, а вдали шумело бы море.

— Ну, делать нечего, — сказал принц Кональ, — всего сразу нельзя иметь. От наших мест сто миль до реки и сто миль до моря, на холме никогда не росли и не могут расти деревья, птичьего же пения не слышали здесь уже триста лет.

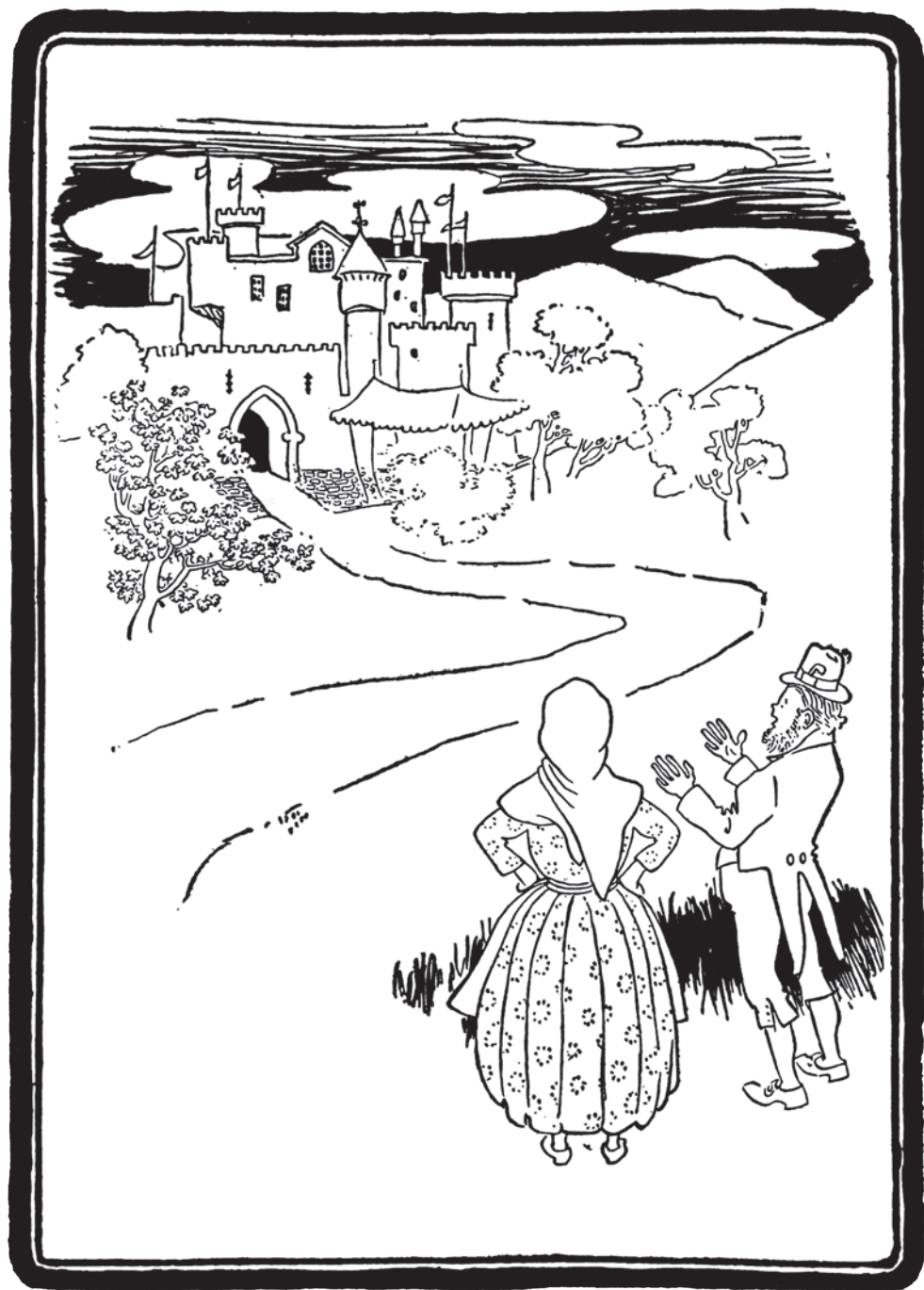
— Тем больше причин, — промолвила Нэнси, — для того, чтобы у тебя все это было.

— Но это невозможно, — сказал принц Кональ.

— Невозможно? — спросила Нэнси. — Нет, возможно. Стоит тебе пригрозить Шэмусу смертью, если он не устроит дела в три дня, и ты все получишь.

— Посмотрим, посмотрим, это любопытно, — промолвил принц Кональ, — попробуем сделать так.

И он отправился к Шэмусу, вызвал его и сказал, что замок не имеет вида на голом месте.

Перед ними возвышался великолепный замок.

— Я хочу, Шэмус, — сказал он, — чтобы тут протекала красивая река, густо поросшая кустами и деревьями, чтобы в них распевали птицы, а поодаль шумело бы море.

— Принц Кональ, — ответил Шэмус, — ведь ты отлично знаешь, что я не могу этого сделать.

— Я отлично знаю, что ты можешь, — сказал принц, — даю тебе три дня срока, и, если ты не исполнишь моего приказа, прощайся с жизнью.

И ушел прочь.

Бедному Шэмусу ничего не оставалось, как удариться в слезы; он отлично знал, что ему не исполнить принцева приказа.

Плакал он, плакал и вдруг услышал над самым ухом чей-то голос. Подняв голову, он увидел Рыжего Старичка.

— Шэмус, Шэмус, — говорил Старичок, — что с тобою случилось?

— Не стоит и рассказывать, — отозвался Шэмус, — о том, что со мной приключилось. Хоть ты мне и помог в прошлый раз, но нет в мире человека, который бы мог пособить мне теперь.

— Ну, все равно, — сказал Рыжий Старичок, — если и не помогу, то ведь и не испорчу дела.

Чтоб легче стало на душе, Шэмус поведал Рыжему Старичку свое горе.

— Шэмус, — молвил Рыжий Старичок, — ты сделай вот что. Нынче ночью, когда взойдет луна, отправляйся к роднику, что находится в Долине Фей. Там ты найдешь чашку, лист и перышко. Зачерпни в чашку воды, возьми лист и перо и ступай к замку. Выплесни воду как можно дальше от замка, сдуй листок с правой, а перышко с левой руки, и увидишь, что произойдет.

Шэмус обещался в точности исполнить совет. Когда взошла луна, он уже был у родника Долины Фей, где и нашел чашку,

листок и перышко. Наполнив чашку водой и взяв с собой листок и перышко, он отправился к замку.

Придя туда, он плеснул воду из чашки так далеко, насколько хватило сил — и, глядь, океан, находившийся в ста милях от замка, с ревом придвинулся к замку, а река, бежавшая в ста милях, потекла мимо замка в океан. Он сдунул лист с правой руки, и на берегах реки зазеленели всевозможные кусты и деревья.

Сдунул перышко с левой руки, и в кустах и деревьях завоились тысячи разнообразнейших птишек, напевавших прелестнейшими голосами, подобных которым он никогда не слышал.

Вообразите же изумление принца Коналя, когда он проснулся поутру и вышел погулять.

Он тотчас же отправился благодарить Шэмуса и Нэнси. Нэнси же, узнав о случившемся, позеленела от злости.

В этот день она снова имела длинную беседу с Рори, а от него отправилась к принцу Коналю и спросила, как ему нравятся новый замок и его окрестности.

Принц ответил, что он вполне доволен и счастлив, что он всей душой признателен ей и ее мужу Шэмусу, и не забудет этой услуги до конца дней своих.

— Как ты можешь быть доволен? — сказала Нэнси. — Вечером у тебя назначен бал, соберутся князья, лорды и важные бары, а у тебя нечем даже позабавить их. Ты должен раздобыть плэшем.

— А что это за штука плэшем? — спросил принц Кональ.

— О, это самая удивительная и забавная вещь в мире; и ты, и все гости твои будете девять дней и девять ночей в лучшем расположении духа, когда поглядите на плэшем.

— Если так, — молвил принц Кональ, — то это и впрямь удивительная вещь, и мне ужасно хочется иметь ее. Но где же и как ее раздобыть?

— Нет ничего легче, — сказала Нэнси. — Под угрозой смерти прикажи Шэмусу нынче же к ужину доставить тебе плэшем, и он его раздобудет.

— Если только за этим дело стало, — молвил принц Кональ, — то не долго мне придется ждать плэшема.

Нэнси весело пошла домой, думая, что на этот-то раз Шэмусу не избежать смерти — ведь во всем божьем мире не существовало такой вещи, как плэшем. Хотя Шэмус и сумел выстроить замок, создать море, реку, деревья и птиц в одну ночь, но он не сможет раздобыть вещи, которой не существует на свете и которая выдумана Рори.

Тем временем принц Кональ, не откладывая дела в долгий ящик, отправился к Шэмусу и вызвал его из хижины. Он выразил ему свою сердечную признательность за все, что Шэмус для него сделал.

— Но мне нужна еще одна вещь, Шэмус, — сказал он, — и тогда я буду совсем доволен. Нынче я даю бал в честь лордов, леди и помещиков нашей страны; потрудись же к ужину доставить мне плэшем.

— Плэшем! Это что такое? — воскликнул Шэмус.

— Я не знаю, — ответил принц Кональ.

— И я не знаю, — молвил Шэмус, — как же я могу доставить тебе его?

— Не будем тратить время на разговоры, — сказал принц Кональ. — Если ты не доставишь мне к ужину плэшем, не сносить тебе головы.

Бедный Шэмус сел и заплакал, а принц Кональ отправился домой.

— Шэмус, Шэмус, — раздался голос над ухом Шэмуса, — о чем же ты теперь плачешь?

Подняв голову и оглядевшись, Шэмус увидел Рыжего Старичка.

— О, не спрашивай меня, — проговорил Шэмус, — это теперь бесполезно. Ты мог выстроить замок, создать море и реку, птиц и деревья; но теперь ты ничем не сможешь мне помочь.

— Как знать! — сказал Рыжий Старичок.

— О, я это отлично знаю, — промолвил Шэмус. — Не можешь же ты дать мне вещи, которой никогда не бывало и не будет на свете!

— А ты все-таки Расскажи, — сказал Старичок. — Если я и не помогу тебе, то во всяком случае не испорчу дела.

Для очистки совести Шэмус поведал Старичку, что принц Кональ приказал ему в двадцать четыре часа доставить к воротам замка плэшем.

— Но ведь такой вещи, — прибавил Шэмус, — никогда не бывало на свете.

— Конечно, не бывало, — сказал Рыжий Старичок. — Но раз принц Кональ требует ее, нужно попытаться достать. Нынче ночью ступай, Шэмус, к Волшебному Терновнику в Долину Фей; на одной из веток его будет висеть костяное кольцо. Это кольцо ты возьми с собой. Когда ты придешь домой, молодой Рори будет беседовать с твоей женою в кухне. Не заходи в кухню, а отправляйся в хлев и вдень кольцо в ноздрю корове, потом полежи смирно на месте, и вскоре у тебя будет плэшем, который ты и можешь погнать в принцев замок.

Шэмус поблагодарил Рыжего Старичка и в ту же ночь отправился в Долину Фей; на одной из веток Волшебного Терновника он увидал кольцо. Взяв его с собою, он пошел домой.

Сквозь кухонное окно он заметил Нэнси и Рори; они сидели у огня и весело болтали о том, как хорошо им будет, когда они от него избавятся.

Шэмус не сказал ни слова и прошел в хлев. Там он вдел кольцо в ноздрю своей корове, и едва он это сделал, как корова начала брыкаться и пятиться и подняла страшный шум. Сделав свое дело, Шэмус спрятался в углу в куче сена.

Через минуту Нэнси вошла в хлев поглядеть, отчего беспокойна буренка. Она ударила корову кулаком, чтобы успокоить ее, но едва коснулась ее, как рука приросла к корове, и она не могла ее оторвать.

На помощь к Нэнси выбежал Рори, услышавший ее отчаянный вопль:

— Рори, Рори, оторви меня от коровы!

Рори ухватился за Нэнси, чтобы оторвать ее, но едва он это сделал, как его руки приросли к Нэнси, и он уже не мог их оторвать.

Тут Шэмус выскочил из своего угла, из сенной кучи.

— Гоп, гоп, плэшем, — молвил Шэмус, — погоняй, не стой!

И выскочила из хлева корова с прилипшими к ней Нэнси и Рори, и бросилась прямо к замку; корова ревела и брыкалась, Нэнси и Рори вопили и визжали. Вместе они производили страшный гам и всполошили всю деревню, которая сбежалась посмотреть, что случилось.

Корова промчалась мимо избы Рори, и мать его, увидя, что он прирос к Нэнси, выбежала оторвать сына; но едва она прикоснулась к нему, как сама приросла. А Шэмус все приговаривал:

— Гоп, гоп, плэшем, погоняй, не стой!

Побежали они дальше. Выскочил отец Рори, чтобы оторвать старуху; но едва он прикоснулся к ней, как сам прирос.

На одной из веток Волшебного Терновника он увидел кольцо.

— Гоп, гоп, плэшем, погоняй, не стой! — кричал Шэмус.

Помчались они дальше и пробежали мимо хлева, который в это время чистил хозяин. Увидя эту странную процессию, он швырнул в нее вилы и ведро с навозом, которые и прилипли к отцу Рори.

— Гоп, гоп, плэшем, погоняй, не стой — приговаривал Шэмус.

Человеку стало жаль ведра, и он погнался за ним, но едва дотронулся, как сам прилип.

— Гоп, гоп, плэшем, погоняй, не стой! — кричал Шэмус.

Побежали они дальше. Выбежал портной из своего дома с аршином в руках. Он бросил в них аршином, а когда аршин прилип, он ухватился за него и сам прирос ко всей компании.

— Гоп, гоп, плэшем, погоняй, не стой! — приговаривал Шэмус.

Потом они промчались мимо сапожника. Тот выскочил с колодкой и ударил портного. И он, и колодка приросли к портному.

Промчались они мимо кузницы. Кузнец запустил в сапожника щипцами. Щипцы приросли к сапожнику, а кузнец к щипцам.

— Гоп, гоп, плэшем, погоняй, не стой! — приговаривал Шэмус.

Приближаясь к замку, они пробежали мимо дома одного важного барина; барин выбежал из дому и ухватился за кузнеца, чтобы оторвать его, но прирос к нему сам, а Шэмус все приговаривал:

— Гоп, гоп, плэшем, погоняй, не стой!

Жена барина, увидя, что он прирос, выбежала и уцепилась за него, но приросла сама. Выбежали дети и приросли к матери. Выбежал буфетчик оторвать детей и сам прирос к ним. Ка-

Все прилипали к Плэшему.

мердинер ухватился за буфетчика, повар за камердинера, прочие слуги за повара, и все прирастали друг к другу.

— Гоп, гоп, плэшем, погоняй, не стой! — приговаривал Шэмус.

Они бежали дальше. Когда они приблизились к замку, плэшем тянулся на целую милю; вой, крик и шум, поднятый ими, можно было слышать на всех четырех морях Ирландии. Услышав этот ужасный гам, принц Кональ и все его гости, и слуги, и домочадцы бросились к окнам поглядеть, что случилось.

Увидя, какая процессия приближается к его замку, принц Кональ крикнул своему первому министру, чтобы он прогнал ее кнутом. Первый министр побегал процессии навстречу и замахнулся кнутом, но кнут прирос к плэшему, а он к кнуту.

— Гоп, гоп, плэшем, погоняй, не стой! — приговаривал Шэмус.

Тогда принц Кональ приказал всем своим прочим министрам и слугам встретить процессию и повернуть ее от замка; но всякий, кто ни хватался за нее, сам прирастал.

— Гоп, гоп, плэшем, погоняй, не стой! — приговаривал Шэмус. А плэшем все приближался к замку. Тут принц Кональ не стерпел и выбежал сам со всеми гостями; но едва он прикоснулся к плэшему, как сам прирос; то же самое случилось и со всеми гостями.

— Гоп, гоп, плэшем, погоняй, не стой! — приговаривал Шэмус.

С шумом, ревом, свистом и грохотом плэшем ворвался в ворота замка, оттуда в главный зал и потянулся по всему дворцу, пока не вышел с противоположной стороны. Весь замок рассыпался и исчез, костяное кольцо выкатилось из коровьей ноздри, плэшем разорвался в единый миг, и, когда принц Кональ оглянулся кругом, то не увидел ни реки, ни замка. Его зем-

лянка стояла на прежнем месте, а сам он снова превратился в нищего.

Сельчане отправились домой, и им было очень стыдно, потому что все над ними смеялись. Нэнси пошла на восток, Рори пошел на запад. С тех пор о них ни слуху ни духу. Что касается Шэмуса, то он отправился в свою избенку, где и провел остаток своих дней в довольстве и счастье, чего себе и вам желаю.

Амадан Тестовик

HERE was a king once on a time that...

Жил-был король, и был у него сын Амадан (придурковатый). Мать Амадана скончалась, и король женился вторично.

Амадан рос быстро и делался с каждым днем все сильнее, так что мачеха его стала бояться, как бы он не заколотил ее детей. Чтобы помешать его росту и ослабить его, она кормила его тестом из сырой муки, замешанной на воде, и все так и звали его «Амадан Тестовик». Но от этой пищи Амадан становился не слабее, а здоровее, и был так силен, что мог свободно поколотить всех своих сводных братцев за раз.

Наконец, мачеха объявила отцу, что он должен прогнать Амадана. Отец согласился удалить его; но Амадан сказал, что не двинется с места, пока отец не даст ему такой острый меч, чтобы он разрезывал тюк шерсти, упавший на него.

После долгих хлопот и поисков отец раздобыл такой меч и вручил его Амадану; испытав меч и убедившись, что он хо-

рош, Амадан распрощался с домашними и пустился в путь-дорогу.

Семь дней и семь ночей он странствовал без всяких приключений, и к вечеру седьмого дня подошел к огромному замку. Войдя внутрь, он не нашел ни одной живой души, зато в зале увидал великолепный ужин, приготовленный на столе. Не теряя драгоценного времени, Амадан уселся за стол и принялся уплетать за обе щеки.

Когда он окончил ужин, к замку приехали три молодых принца, стройные, сильные, ловкие парни; но они были сильно истощены и истекали кровью от ран.

Они ударили в замок кремнем, и весь замок осветился огнем, словно его подожгли.

Амадан бросился на принцев с намерением убить их.

— Как вы смеете поджигать замок? — грозно спросил он.

— О, Амадан, — промолвили принцы, — не мешай нам, мы и так почти что убиты. Замок не горит. Каждый день мы выходим сражаться с тремя великанами, которых зовут Слэт Мор, Слэт Мар и Слэт Биг. Мы сражаемся с ними весь день напролет и к вечеру убиваем их. Ночью же они каким-то чудом оживают, и, если наш замок не будет освещен, они ворвутся и убьют нас сонными. И потому каждый вечер, возвращаясь с битвы, мы освещаем замок. Благодаря этой предосторожности мы можем спокойно спать до утра, а утром опять уходим сражаться с великанами.

Амадан был очень изумлен тем, что ему рассказали принцы, и объявил, что ему очень хочется помочь им убить великанов. Они с охотой приняли помощь такого славного молодца и условились взять его с собою на следующее утро.

Принцы умылись, поужинали и пошли с Амаданом спать.

Утром они вчетвером отправились в Долину Эхо, где и встретили трех великанов.

— Ну, — сказал Амадан, — вы сражайтесь с двумя меньшими великанами, Слэт Маром и Слэт Бигом, а я беру на себя Слэт Мора и постараюсь доконать его.

На том и порешили.

Но самый меньший из великанов был крупнее и страшнее всех существ, каких Амадану приходилось видеть или знать в своей жизни; можете же себе представить, каков был великан Мор.

Впрочем, Амадана это мало беспокоило. Он бросился на Слэт Мора, и между ними завязался долгий и страшный бой. Под их ногами твердая земля превращалась в грязь, а грязь в родники; скалы превращались в камни, камни дробились в песок, и песок сыпался по всей окрестности, как град. Все птицы от края до края вселенной, все ручные и дикие звери с четырех концов земли сбежались и слетелись глядеть на эту битву; кончилось тем, что Амадан пронзил Слэт Мора мечом и положил его на месте.

Затем он поспешил к трем принцам и помог им уложить остальных двух великанов.

Принцы собрались домой. Амадан сказал им, чтобы они не освещали замка в эту ночь: он будет сидеть всю ночь у трупов и наблюдать, не оживут ли великаны.

Принцы умоляли его не делать этого; ведь если великаны оживут, то он погибнет, не получая помощи.

Амадан разгневался и приказал им немедленно уйти, а сам уселся сторожить великанов. Но, так как он был очень утомлен, то незаметно уснул.

Около полуночи, когда Амадан спал очень крепко, пришла старая ведьма и с нею четыре колдуна; у ведьмы было

*Амадан разгневался и приказал им немедленно уйти,
а сам уселся сторожить великанов.*

перо и живая вода, которой она начала смазывать раны великанов.

Двое великанов уже были воскрешены, когда Амадан проснулся, а третий продирал глаза.

Амадан вскочил на ноги, и вся компания бросилась на него — великаны, ведьма и колдуны.

Трудно было Амадану днем, но теперь ему пришлось в десять раз труднее. Но он был смелый и храбрый парень и не считал тумаков и ударов. Долго они бились. Под их ногами твердая земля размякла, и из нее забили ключи; камни рассыпались в песок; все птицы, все ручные и дикие звери со всех концов земли целыми полчищами слетались и сбегались посмотреть на великий бой; одного за другим Амадан пронзал своих врагов мечом, и наконец они все растянулись по земле, мертвые или умирающие.

Умирая, старая ведьма подозвала к себе Амадана и наложила на него нерушимый зарок — под угрозой лишиться рук, ног, зрения и памяти отыскать и убить Черного Быка из Бурого Леса.

Когда ведьма испустила последний вздох, Амадан взял ее перо и помазал свои раны живой водой. И в один миг стал свеж и здоров, словно и не начинал сражаться. Взяв с собой перо и пузырек с живой водой и привязав к боку меч, он отправился исполнять свой зарок.

Он шел весь день-деньской и, когда стало смеркаться, пришел к избушке, стоявшей на краю леса. Вместо навеса над избушкой болталось одно-единственное перышко, а в дверях стояла грубая рыжая баба.

— Привет тебе, — сказала она, — Амадан Тестовик, сын короля Ирландии. Что ты подделываешь и куда направляешься?

— Этой ночью, — отвечал Амадан, — я сражался в великом бою и убил Слэт Мора, Слэт Мара, Слэт Бига, Ведьму Скалы и четырех колдунов! Теперь я дал зарок разыскать и убить Черного Быка из Бурого Леса. Не можешь ли ты сказать мне, где его найти?

— Могу, — отвечала она. — Но теперь уже ночь. Войди, поешь и выпись.

Она поставила перед Амаданом великолепный ужин, постелила ему мягкую постель. Он отлично наелся и превосходно выспался в эту ночь.

Ранним утром женщина его разбудила и показала ему дорогу к Бурому Лесу, где жил Черный Бык.

— Но я должна тебе сказать, мой бедный Амадан, — промолвила она, — из этого леса никто еще не возвращался живым.

Она предупредила его, что, когда он приблизится к лесу, бык выскочит и понесется на него как ураган.

— Вот тебе плащ, — сказала она, — брось его на камень, который там лежит. Сам же спрячься за этим камнем, и, когда бык увидит плащ, он бросится на него и расшибет себе глаза о камень. Ты сейчас же вскочи быку на спину и сражайся на жизнь и на смерть. Если ты останешься в живых, возвращайся ко мне, а если погибнешь — я приду к тебе.

Амадан взял плащ, поблагодарил старуху, отправился в путь и шел до тех пор, пока не пришел к Бурому Лесу. Черный Бык устремился на него ураганом; Амадан набросил плащ на камень и прилег за ним. Бык с такой силой ударил в плащ, что расколол камень пополам, а сам ослеп на оба глаза.

Не теряя времени, Амадан вскочил к нему на спину и стал колоть и рубить его мечом, но с быком не так легко было справиться, и Амадану долго пришлось сражаться. Земля под ними

Амадан набросил плащ на каменъ и прилег за ним.

размякла, и из нее забили ключи. Скалы разбились в камешки, а камешки в песок, который тучей носился по окрестности. Птицы и звери со всех концов мира слетались и сбегались смотреть на эту битву. Наконец Амадану удалось пронзить мечом сердце быка, и бык упал мертвым. Но перед смертью он наложил на Амадана зарок разыскать и убить Белого Барана с Горы Водопадов.

Амадан намазал свои раны живой водой и вновь почувствовал себя сильным и бодрым.

Вернувшись к старой женщине в хижину без кровли, он рассказал ей о своих приключениях и о зароке, который наложил на него Черный Бык.

— Жаль мне тебя, бедный Амадан, — сказала она, — ибо еще никто не возвращался от Белого Барана живым; но пока что войди, поешь и выпись; ты, наверное, проголодался и устал.

Амадан сытно поужинал и выспался на мягкой постели, а утром старуха рассказала ему, как найти дорогу к Белому Барану с Горы Водопадов. Она сказала ему, что шкура Белого Барана крепче стали, что нет меча, который бы мог пронзить ее, и только в одно место — белое пятнышко над самым сердцем барана — может пройти оружие. Единственное спасение для Амадана — это попасть в это пятнышко.

Амадан поблагодарил ее и отправился в путь. Он шел очень долго, и, как только показалась Гора Водопадов, он увидел, что на него с бешеной яростью мчится Белый Баран; земля, которую баран взрывал рогами, долетала до самого солнца и затмевала его.

Приблизившись к Амадану, баран спросил, какие он совершил подвиги, что имеет дерзость явиться сюда.

Амадан ответил:

— Вот этим самым мечом я умертвил Слэт Мора, Слэт Мара, Слэт Бига, Ведьму Скалы и ее четырех колдунов, а также Черного Быка Бурого Леса.

— Ну, — сказал Белый Баран, — больше тебе уж никого не придется убивать — и кинулся на Амадана.

Амадан разил его своим мечом, но меч отскакивал от его шкуры, как от стали.

Загорелся страшный бой, подобного которому не видела земля. Птицы и звери собрались со всех концов мира смотреть на побоище.

После долгих усилий Амадану удалось наконец разглядеть белое пятнышко, о котором говорила ему рыжая старуха, и пронзить его мечом. Участь барана была решена, но перед смертью он подозвал к себе Амадана и наложил на него зарок разыскать и убить Нищего шведского короля.

Амадан вынул бутылку с живой водой, помазал свои раны и вернул себе бодрость и силу. Затем он пустился в обратный путь и к вечеру пришел к рыжей старухе, которая ждала его на пороге своей хижины. Она очень обрадовалась тому, что он вернулся цел и невредим, накормила его сытным ужином и уложила спать, а утром показала дорогу к Нищему шведского короля.

— Когда ты дойдешь до холма, — сказала она, — Нищий спустится с неба на облаке. Под ногами Нищего ты увидишь весь свет, а над головой его не увидишь ничего. Если он будет побит, то поднимется в тумане в небеса, чтобы отдохнуть и набраться сил. В первый раз можешь пустить его, но, если ты егопустишь во второй раз, он наверное убьет тебя, когда спустится на землю. Помни это. Если ты останешься в живых, приходи ко мне, а если погибнешь, я приду к тебе.

Амадан поблагодарил ее, распрощался с нею, двинулся в путь и шел, пока не пришел к холму, о котором она ему говори-

ла. Он увидел, как с неба спустилось громадное облако, и, когда оно село на холм и растаяло, перед ним стоял Нищий шведского короля, и под его ногами Амадан видел весь свет, а над головой его не видел ничего.

Нищий бросился к Амадану и заревел так страшно, что звезды на небе задрожали. Он спросил Амадана, кто он такой и какие совершил подвиги, чтобы иметь смелость явиться сюда.

Амадан ответил:

— Меня зовут Амадан Тестовик; я убил Слэт Мора, Слэт Мара, Слэт Бига, Ведьму Скал и ее четырех колдунов, Черного Быка Бурого Леса и Белого Барана Горы Водопадов, а до наступления ночи я убью Нищего шведского короля.

— Это тебе никогда не удастся, — сказал Нищий, — ты сам умрешь. Выбирай, что тебе приятнее: умереть от объятия моих рук или от удара меча.

— Если умирать, — отвечал Амадан, — то я предпочту умереть от удара меча.

— Отлично, — сказал Нищий и вытащил свой меч. В ту же минуту Амадан вытащил свой, и битва началась. Если прежние битвы были жестоки, то эта была ожесточеннее и страшней всех прежних, вместе взятых. Долго длился бой. Наконец Нищий устал и ослабел. Он свистнул, около него стал собираться туман и, прежде чем Амадан успел опомниться, он поднялся на небо. Отдохнув здесь, он спустился на землю, бросился на Амадана, и бой возобновился. Нищий снова устал, свистнул, и туман начал его обволакивать.

Но Амадан вспомнил слова рыжей женщины; он подпрыгнул вверх, пронзил Нищему сердце, и тот упал мертвым. Но перед смертью он наложил на Амадана зарок разыскать и убить Серебристую Кошку Семи Долин.

Амадан залечил свои раны живой водой и бодрым вернулся к рыжей старухе. Та радостно встретила его и спросила, что с ним было.

Амадан сказал ей, что он убил Нищего и что тот наложил на него зарок убить Серебристую Кошку Семи Долин.

— Жаль мне тебя, — сказала она, — никто еще не возвращался живым от Серебристой Кошки. Но ты устал и проголодался. Поужинай и ступай спать.

Амадан поужинал, выспался на мягкой постели, а утром старуха рассказала ему, как найти Серебристую Кошку, у которой только одно уязвимое место — черное пятнышко на дне желудка. И, если он не попадет мечом в это место, кошка убьет его.

— Бедный Амадан, — прибавила она, — я боюсь, что на этот раз ты не вернешься живым. Сама я не могу прийти к тебе на помощь, но в моем саду есть колодец. Я буду глядеть в него и видеть, что с тобой делается. Если на воде будет виден мед, значит ты одолеваешь кошку, а если покажется кровь, значит кошка одолевает тебя. Если же кровь застоится, то я буду знать, мой бедный Амадан, что тебя уже нет в живых.

Амадан попрощался с ней и отправился к тому месту, где Семь Долин сбегаются к морю.

Здесь была пропасть, а на дне пропасти пещера. В этой пещере жила Серебристая Кошка, раз в день выходившая погреться на солнце.

Амадан спустился в пропасть по веревке и стал ждать появления кошки.

Ровно в полдень кошка вышла из пещеры. Завидя Амадана, она испустила такой страшный рев, что море взволновалось и поднялось на четверть мили вверх, и спросила Амадана, кто он такой и как у него хватает дерзости являться к ней.

Ровно в полдень кошка вышла из пещеры.

Амадан ответил:

— Меня зовут Амадан Тестовик. Я убил Слэт Мора, Слэт Мара, Слэт Бига, Ведьму Скалы и ее четырех колдунов, Черного Быка Бурого Леса, Белого Барана Горы Водопадов и Нищего шведского короля; а до наступления ночи убью Серебристую Кошку Семи Долин.

— Это тебе никогда не удастся, — сказала кошка, — ты сам умрешь.

И с этими словами она бросилась на него.

Амадан обнажил свой меч, и начался великий, страшный бой. Так тяжело Амадану еще никогда не приходилось и ему стало казаться, что он погибает.

Рыжая старуха все время глядела в свой колодец и сильно волновалась; хотя одно время мед был сверху, но в другое время наверх всплывала кровь, а потом кровь и мед перемешались; она видела, что Амадану приходится плохо.

Наконец, кровь и мед совсем смешались и в таком положении оставались до самого вечера; она заплакала, решив, что Амадан сам погиб, хотя и убил Кошку.

Так оно было и на самом деле. После долгой борьбы Кошка распорола Амадана сверху донизу огромным длинным когтем, сидевшим на конце ее хвоста; при этом она так широко разинула пасть, что Амадан увидел ее желудок до самого дна, а в нем черное пятнышко, о котором говорила рыжая старуха. Он вонзил свой меч в это место, и оба, Амадан и Кошка, упали замертво.

Рыжая старуха вскоре прибыла на место побоища и увидела труп Амадана, распростертый рядом с трупом Кошки. Горю бедной женщины не было пределов. Вдруг она увидела на боку Амадана пузырек с живой водой и перо. Она побрызгала Амадана этой водой, и он вскочил на ноги здоровехонек.

Он осыпал ее поцелуями и оросил слезами (к с. 38).

Он осыпал ее поцелуями и оросил слезами. Взяв ее с собою, он отправился в обратный путь к огненному замку.

Здесь он встретил трех принцев, которые жили очень счастливо, избавившись от великанов. У них была сестра, прелестнейшая девушка, каких только видал Амадан. Они ее отдали в жены Амадану и наградили его половиной своего состояния.

Свадьбу праздновали девять дней и девять ночей. На ней играли девятьсот скрипачей, девятьсот флейтистов и девятьсот трубачей, и каждый день свадьбы был веселей предыдущего.

Кональ, Дональ и Тэг

NCE there were three brothers named...

Жили-были три брата по имени Кональ, Дональ и Тэг, и случилось им не поладить из-за лугового участка. Права каждого из них были до такой степени одинаковы, что ни один из множества судей, к которым они обращались, не мог решить дела ни в чью пользу.

Наконец, отыскиали они судью, который был очень умен и знаменит, и изложили ему свое дело.

Судья сидел на скамье и с превеликим терпением слушал сперва Коналя, затем Доналя и Тэга. Когда они кончили, он объявил, что берет себе сроку на размышление день и ночь. На следующее утро он позвал их в суд и сказал, что взвесил доказательства со всех сторон, думал и так и этак, и убедился, что никто из них не имеет ни на чуточку больше прав на участок, чем любой из прочих двух. Первый раз в жизни встретился ему такой трудный случай.

— Но, — продолжал он, — для меня нет неодолимого. Я сейчас решу, кому из вас принадлежит луг. С виду вы-таки

порядочные лежебоки, и вот я присужу луг тому, кто ленивее всех.

— Ну, коли так, — промолвил Дональ, — луг останется за мной, ведь я самый ленивый!

— А как ты ленив? — спросил судья.

— Да так, что лягу я посреди дороги, и пусть мчится на меня целый эскадрон драгун, так я скорее дам им растоптать себя, чем двинусь с места, чтобы посторониться.

— Да, — сказал судья, — ты и вправду ленив; не думаю, чтоб Дональ или Тэг могли с тобой сравняться.

— Вот еще, — молвил Дональ, — да я не меньше ленив, чем он.

— В самом деле? — удивился судья. — А как же ты ленив?

— Да так, что если б сидел у костра, и ты накидал бы в него торфу с целого болота и дров из целого баронства, то скорей бы у меня мозг закипел в костях и вытек вон, чем я двинулся бы с места.

— Да, — сказал судья, — вот это называется лень; не думаю, Тэг, чтоб ты мог с ними потягаться.

— Пустое, — молвил Тэг, — я так же ленив, как и они.

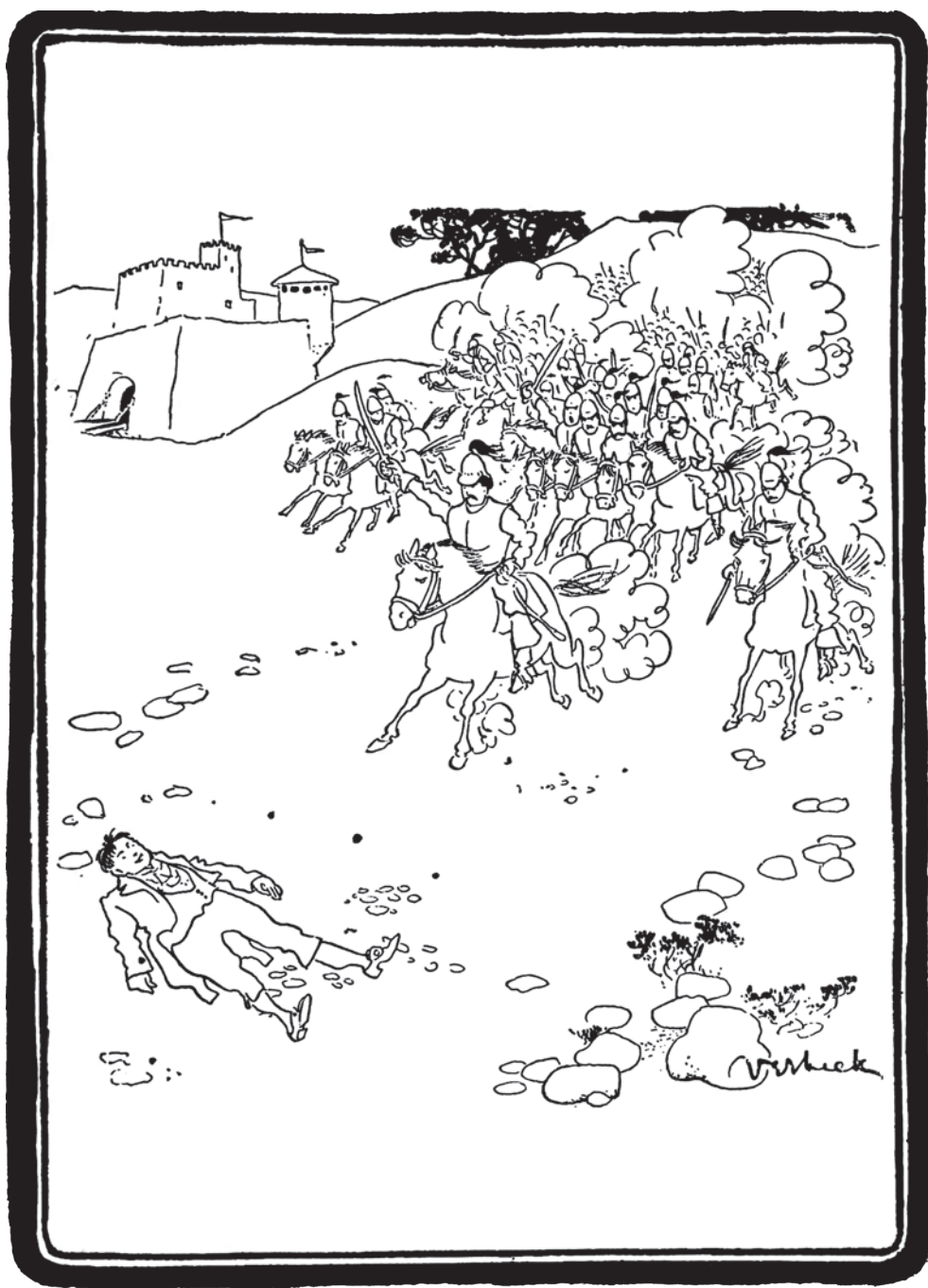
— А как, например? — спросил судья.

— Если б я лежал на спине с раскрытыми глазами, и с потолка падала бы сажа целыми градинами, то я скорей бы ослеп, чем потрудился бы закрыть глаза.

— Удивительно, — сказал судья, — я в таком же затруднении, как и раньше. Я вижу, что вы отчаяннейшие лентяи, каких еще и свет не видал, и кто из вас ленивее всех — затрудняюсь сказать. Но вот что: я отдам луг старейшему из вас.

— Ну, — сказал Кональ, — луг за мной.

— А сколько тебе лет? — спросил судья.

*Лягу я посреди дороги, и пусть мчится на меня
целый эскадрон драгун, так я скорее дам им растоптать себя,
чем двинусь с места, чтобы посторониться.*

— На двадцать первом году я купил себе целый корабль шил, ни одного не сломал за все время и только вчера иступил последнее шило, починяя сапоги.

— Да, ты очень стар, — сказал судья. — Сомневаюсь, чтобы Дональ и Тэг могли с тобой потягаться.

— Подумаешь! — сказал Дональ. — А я потягаюсь.

— А тебе сколько лет? — спросил судья.

— Когда мне исполнился двадцать один год, я купил целый корабль иголок и вчера иступил последнюю, починяя одежду.

— И глубокие же вы старики, — промолвил судья, — бедному Тэгу, думаю, за вами не угнаться.

— И я не отстану, — молвил Тэг.

— Как, и ты стар?

— На двадцать первом году я купил целый корабль бритв и вчера иступил последнюю, брившись.

— Ну, — сказал судья, — приходилось мне слышать о старцах, но таких глубоких стариков как вы, свет не видал еще с тех пор, как подохла Мафусаилова кошка. Кто из вас старше, положительно не могу сказать. Но, знайте вот что: я отдам луг тому, у кого лучшая память.

— Ну, если так, — обрадовался Кональ, — то луг останется за мной; я помню те времена, когда человек, наступив кошке на хвост, не имел еще обыкновения утешать ее хорошим пинком ноги.

— Да, — сказал судья, — ты помнишь воистину незапамятные времена. Пожалуй, луг останется за тобой, Кональ.

— Поторопились! — молвил Дональ, — я помню времена, когда женщина не говорила и одного дурного слова о своей лучшей приятельнице.

— Удивительная же у тебя память, Дональ, если ты помнишь такую старину. Не думаю, Тэг, чтобы твоя память сравнилась с памятью твоих братьев.

— Как бы не так, — молвил Тэг. — Я помню времена, когда в десятке людей не набиралось и девяти лгунов.

— Ого-го! — воскликнул судья. — Да у тебя, Тэг, прямо баснословная память. Не знаю, что и делать с вами. А вот как: я присужу луг тому, у кого самое острое зрение.

— Тогда луг за мной, — сказал Дональ; — если б на вершине вон той горы, за пятнадцать верст, сидела муха, то я мог бы вам сказать, моргает она глазами или нет.

— У тебя удивительное зрение, Кональ, — сказал судья. — Кажется, луг за тобой.

— Не торопитесь, — вступился Дональ. — У меня зрение не хуже: я мог бы вам сказать, моргает ли она от соринки в глазу или от иной причины.

— А! — молвил судья, — вот это так зрение. Жаль мне тебя, Тэг, но, кажется, не видать тебе луга, как ушей своих.

— Вздор! — молвил Тэг, — ведь я мог бы вам сказать, здорова ли та муха, или нет, сосчитав биения ее сердца.

— Гм! — сказал судья, — вы меня опять поставили в тупик. Вы — удивительнейшие люди из всех, кого я встречал в жизни. Но мы вот что сделаем: я присужу луг самому ловкому из вас.

— Благодарю, — молвил Кональ. — Значит, луг за мной.

— Каким образом? — спросил судья.

— Напусти целый луг зайцев, в середку посади собаку и привяжи одну из моих ног к спине — я все-таки не дам ни одному зайцу удрать.

— Пожалуй, что луг за тобой, — сказал судья.

— Нет еще, с позволения вашего благородия, — молвил Дональ.

— Как, Дональ, — удивился судья, — неужто ты так же ловок?

— Я-то ловок ли? Видишь вон тот старый замок без единого целого окошка, без дверей и крыши, продуваемый ветром, как железная решетка? — спросил Дональ.

— Вижу; ну и что же? — любопытствовал судья.

— А вот что, — сказал Дональ. — Набей ты его доверху пухом, и в самый бурный, в самый ветреный день я не выпущу из замка ни единой пушинки, а если какая и вылетит, то не дам ей отлететь и на десять аршин: вмиг поймаю и водворю на место.

— Гм... — сказал судья. — Вот уж кто именно ловкий человек, так это ты. Ну, Тэг, плохи твои дела.

— Ну, не совсем, — отозвался Тэг.

— Как! — воскликнул судья. — Ты еще намерен тягаться с ними, Тэг?

— Что ж, я берусь подковать самого быстрого рысака на полном скаку, вгоняя по гвоздю каждый раз, как он поднимет ногу.

— Вот оно что, — сказал судья, — Необыкновенные вы люди, господа, должен вам признаться. Таких людей еще никогда не бывало на свете, да, пожалуй, после вас и не будет. Остается одна проба, господа, и, если она не удастся, я отказываюсь решать дело. Я отдам луг, — продолжал он, — самому сообразительному из вас.

— В таком случае, отдавай его мне без дальних слов, — промолвил Кональ.

— Это почему же? — спросил судья. — Неужто ты сообразительнее всех?

— Я такой сообразительный, что могу сшить человеку платье, узнав только цвет его волос, и оно будет сидеть на нем, как влитое.

— Ну, ребята, — молвил судья, — я думаю, вопрос решен.

— Не торопись, мой друг, не торопись, — сказал Дональ.

*Я берусь подковать самого быстрого рысака
на полном скаку, вгоняя по гвоздю каждый раз,
как он поднимет ногу.*

— Что ты, Дональ, — возразил судья, — можно ли быть еще сообразительнее?

— А почему бы нет? — молвил Дональ.

— Что же ты мог бы сделать?

— Да я мог бы сшить человеку платье без всякой мерки, а только услышав, как он кашляет.

— Недурно, — сказал судья. — Ваша сообразительность превосходит всякое воображение. Тэг, — продолжал он, — бедняжка Тэг, каковы бы ни были шансы твоих братьев, но уж ты-то над лугом должен поставить крест.

— Вот уже нет! — сказал Тэг.

— Да разве можно быть сообразительней? — спросил судья. — Ты насколько сообразителен?

— Хотя бы настолько, — ответил Тэг, — что будь я судьей, да таким глупым, что не умел бы решить дела, то уж прикинулся бы умником и решил его как-нибудь!

— Тэг, — молвил судья, — я рассмотрел это дело и обсудил его, и по всей правде и совести решаю, что луг должен достаться тебе!

Мельник Манис

HERE was a man from the mountain...

Жил на горе человек по имени Дональ; он был женат на дочери очень скупого старика и старухи, которые жили на равнине. Всю неделю он корпел и трудился на своем клочке земли, а в субботу вечером уходил к родителям своей жены, чтобы провести с ними воскресный день.

Дорогой он всегда проходил мимо мельницы Маниса, мукомола. Манис, наблюдавший его, удивлялся, почему Дональ в субботу вечером перепрыгивает через мельничный шлюз, возвращаясь же обратно от тестя, переходит его вброд. Однажды в понедельник утром он остановил его и спросил, что это значит.

— Видишь ли, в чем дело, — молвил Дональ, — мой старый тесть такой плохой едок, что уже начинает читать благодарственные молитвы, едва я успею проглотить несколько кусочков; оттого я в понедельник утром бываю сильно ослабши.

Манис призадумался на малое время, потом сказал Доналю:

— Можно и мне пойти с тобой в следующую субботу? Если позволишь, то я обещаю тебе, что на обратном пути ты вскачь переправишься через мельничный шлюз.

— Буду очень рад твоему обществу, — ответил Дональ.

На том и порешили. Когда наступила суббота, Манис присоединился к Доналю, и они вместе отправились к Доналеву тестю.

Старик не слишком обрадовался, увидя, что Дональ привел с собой лишний рот, но Манис сделал вид, что не замечает этого, и держал себя так, словно Дональ притащил не гостя, а майский цветок. Когда ужин был подан на стол, Манис подтолкнул Доналя локтем, оба они нагнулись и стали возиться с башмаками, словно те у них развязались; они завязывали башмаки несколько минут, в течение которых старик поел немного, прочел благодарственные молитвы и поднялся из-за стола, полагая, что у гостей не хватит смелости и невоспитанности сидеть за столом после того, как ужин уже окончился.

Однако, Манис с Доналем храбро уселись за стол и поужинали на славу. Старик ворчал и хмурился, и слова из него приходилось вытягивать чуть не клещами. Манис же весело болтал, как ни в чем не бывало, и рассказывал веселые небылицы, пока не пришло время спать; ему постелили постель в горнице, но он объявил, что может спать только в одном месте — у очага на кухне.

Старик и старуха противились этому и уверяли, что не могут пустить гостя ночевать в таком месте; но все это не помогло. Манис твердо заявил, что в другом месте спать не будет и не ляжет. Пришлось им уступить и отправиться по своим постелям.

Но Манис, хотя и лег, не думал уснуть; пролежав часа два, он услышал, как дверь тихонько отворилась; старуха просунула голову в дверь и стала прислушиваться, а Манис захрапел так, словно не спал по крайней мере десять суток.

*Старуха просунула голову в дверь и стала прислушиваться,
а Манис захрапел так, словно не спал по крайней мере
десять суток.*

Прислушавшись, старуха вошла в кухню и убедилась, что Манис спит как убитый. Она поскорее налила в котел воды и стала варить похлебку для себя и мужа; как Манис верно угадал, они таким образом всегда дурачили Доналя.

Но в самый разгар стряпни Манис зашевелился и сделал вид, что просыпается. Он сел, стал тереть кулаками глаза и озираться, и словно нечаянно бросил взгляд на старуху и на горшок с похлебкой.

— А, ты уже здесь? — зевнул он. — Неужели уже рассвело?

— До утра еще далеко, — отвечала старуха, — но у нас заболела корова, и я готовлю для нее пойло на огне. Извини, что я разбудила тебя.

— Нет, нет, ты меня не разбудила! — возразил Манис. — У меня страшно болит коленка, — продолжал он, потирая коленку. — Я сильно ушиб себе коленку, и она меня иногда беспокоит по ночам. Боль такая сильная, что будит меня среди самого крепкого сна; приходится вставать и унимать ее. Ничто так не успокаивает эту боль, как сажа — надо набрать побольше сажи из дымовой трубы и хорошенько потереть коленку.

С этими словами Манис схватил щипцы и принялся ковырять сажу из трубы, приходившейся как раз над котлом: на каждый комок, попадавший на очаг, пять падали в котел. Решив, что он достаточно уже испортил похлебку, Манис взял щепотку сажи с очага и потер себе ею колено.

— А теперь, — промолвил он, — мне станет легче, я буду крепко спать и не проснусь до утра.

И он растянулся на полу и захрапел.

Старуха чуть не плакала от злости, что ей испортили ужин; отправившись к старику, она рассказала ему, какая участь постигла похлебку. Он пришел в ярость и спросил, заснул ли уже

Манис. Услыхав в ответ, что он заснул, он приказал старухе наскоро испечь на горячей золе овсяный каравай.

Старуха достала овсяной муки, замесила добрый каравай, поставила его на золу и села подле, дожидаясь, пока он испечется.

Не прошло и двух минут, как Манис испустил дикий вопль, словно во сне, вскочил, стал протирать глаза и озираться. Увидя старуху, он простонал:

— Ох, ты уже здесь? Как я рад этому; у меня на душе тяжело, словно стопудовый камень лежит на сердце и не дает мне уснуть. Я хочу облегчить свою душу, — продолжал Манис, — а потом усну крепко и буду спать всю ночь. Я расскажу тебе, что меня преследует.

Он схватил щипцы обеими руками и в течение рассказа непрерывно разгребал золу.

— Надобно тебе сказать, — начал он, — что отец мой, пока не умер, был очень богат и владел обширными поместьями. У него было три сына: я, Тедди и Том; все мы были очень усердные работники. Я всегда любил Тедди и Тома; они же, не знаю по какой причине, ненавидели меня и не упускали случая сделать мне пакость или восстановить отца против меня. Тома и Тедди он посылал в училище и дал им хорошее воспитание, мне же он сунул лопату в руки и послал обрабатывать поле. Возвращаясь из школы, Том и Тедди держали себя барчуками, ездили верхом и охотились с гончими; меня же заставляли ходить за лошадьми, седлать и взнуздывать их, и встречать братьев, когда они возвращаются с охоты, прогуливать их лошадей, чистить и отводить в конюшню.

Мне приходило в голову, что это не деликатное и вовсе не братское обращение, но я молчал, так как любил и Тедди, и Тома. Отец же с каждым днем все больше гордился ими и все

больше не любил меня; в конце концов, умирая, он так сильно любил Тедди и Тома и так мало бедного Маниса, что в своем завещании разделил землю на четыре доли и распределил их следующим образом:

— Положим, — продолжал Манис, заезжая концами щипцов в каравай, — положим, здесь находится ферма моего батюшки. Он разделил ее так, — и Манис разрезал каравай в одном направлении.

— Потом он разбил ее этак — и Манис разодрал каравай щипцами в другом направлении.

— Эту четверть, — продолжал Манис, отпихнув кусок каравая щипцами, — он отдал моей матери. — А эту четверть, — молвил он, запихивая в золу другой кусок каравая, — он завещал Тедди.

— Эту же четверть, — и он пихнул третий кусок каравая, — оставил Тому.

— Последнюю же четверть, — проговорил Манис, погружая щипцы в самую середину куска каравая, — эту четверть он отдал попу, — и он далеко отшвырнул его на пол.

— Бедного же Маниса, — промолвил он, бросая щипцы, — он оставил таким, как он есть — нищим и отверженным!

— Вот, тетушка, моя повесть, — закончил он, — а теперь, облегчив душу, я буду крепко спать до утра. — И, растянувшись у очага, он снова захрапел.

Старуха же отправилась к мужу и рассказала ему, какая участь постигла каравай.

Старик чуть не задохся от бешенства и хотел бежать к Манису, чтобы избить его до смерти — так он проголодался. Кое-как старухе удалось его успокоить, и он приказал ей отправиться на кухню и приготовить что-нибудь другое на ужин.

— Не стоит разводить огонь, — промолвила она, — у нашего гостя опять может заболеть коленка или ему что-нибудь

Она протянула ему в потемках кувшин (к с. 54).

приснится, и он вскочит и начнет приставать ко мне со своими рассказами. Лучше я подою корову и принесу тебе добрый кувшин молока — этого тебе хватит до утра.

Он велел ей немедленно сделать это, если она не хочет, чтобы он умер с голода.

Старуха побежала со всех ног, взяла кувшин из кухонного шкафа и выскользнула вон, оставив Маниса храпящим, что есть мочи.

Но когда по расчетам Маниса прошло столько времени, что кувшин мог быть полон до краев, он прокрался в хлев и, пользуясь темнотой, сказал глухим старческим голосом:

— Поторопись, не то я умру с голоду.

Она протянула ему в потемках кувшин, он выпил молоко, ткнул ей обратно пустой кувшин и отправился спать.

Старуха надоила и для себя кувшин молока, выпила его, потихоньку вошла в кухню, бережно поставила кувшин на полку, чтобы не разбудить Маниса, и отправилась к себе.

Когда она вошла в горницу, старик рвал и метал от ярости.

— За это время можно было бы выдоить коров целой округи, а ты моришь меня голодом, — сказал он. — Давай сюда молоко.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивилась старуха.

— А что ты хочешь сказать, старая хрычовка? — прошипел старик.

— Да не ты ли сейчас приходил в хлев, не ты ли взял у меня кувшин с молоком и не ты ли опорожнил его дочиста?

— Вот тебе на! — промолвил старик. — Угостила! Да это, наверное, тот мошенник, что спит в кухне, одурачил тебя опять. Будь что будет, но теперь я убью его!

Убедившись, что ее одурачили, старуха сама запылала гневом и захотела крови Маниса.

Он втащил в кухню телянка... (к с. 56)

Но Манис, приложив ухо к замочной скважине, слышал весь разговор, и пока старик собирался лишить его жизни, он втащил в кухню теленка и положил его на то место у очага, где лежал раньше сам, прикрыв теленка одеялом.

Отыскав тяжелый молот старик пошел на то место, где лежал, по его мнению, Манис; подняв молоток, он изо всей силы опустил его на череп теленка, который только один раз простонал «му» и испустил дух. После этого старик, очень довольный, пошел спать, а мельник отправился к себе домой.

Рано поутру старик и старуха встали, чтобы зарыть мельника; увидя, какую штуку он с ними сыграл, они едва не лопнули от злости. Но когда был подан завтрак, и Дональ вместе с прочими сел за стол, то старик уже не торопился читать благодарственные молитвы, и Дональ в первый раз в своей жизни наелся у стариков до отвала; то же самое и за ужином.

Возвращаясь в понедельник утром домой, Дональ одним прыжком перелетел через мельничный шлюз; мельник вышел и весело подмигнул ему. Дональ схватил Маниса за обе руки и сердечно потряс их.

После этого каждый понедельник Дональ перепрыгивал мельничный шлюз с такой же легкостью, как воробей какой-нибудь прутик.

Через три года старик умер, а Дональ навсегда поселился на его ферме; и не было у него гостя дороже и желаннее мельника Маниса.

Горбун-Кривулька

NCE on a time there was a King...

Жили-были некогда в Ирландии король и королева, и был у них сын по имени Джек. Когда Джек вырос, он явился к отцу и матери и заявил им, что пойдет по белу свету искать счастья. Ничем не могли удержать его отец и мать, и Джек ушел, взяв с собой только палку да родительское благословение. И шел он далеко-далеко, дальше, чем я могу рассказать вам, и вдвое дальше, чем вы сумели бы объяснить мне. Наконец в один прекрасный день он пришел к большому лесу и встретил седого старика. Старик спросил его:

— Джек, куда ты идешь?

— Я иду искать счастья, — ответил Джек.

— Что ж, — молвил старик, — если ты ищешь службы, то отправляйся на другой конец этого леса. Там живет Великан Ста Холмов, и, я думаю, ему пригодится такой молодой, сильный, способный и умный юноша, как ты.

— Ладно, — ответил Джек, — пойду искать его.

И он продолжал идти все вперед, через лес, пока не вышел на другой конец леса и не увидал большого замка; он приблизился к нему и постучал в ворота; перед ним появился Великан.

— Здравствуй, Джек, сын Ирландского Короля! — воскликнул он. — Куда ты идешь, и что тебе нужно?

— Я иду по белу свету, — отвечал Джек, — за счастьем и ищу хорошей службы. Я слышал, что тебе нужен честный и проворный слуга.

— Совершенно верно, — сказал Великан. — Мне нужен такой милый юноша, как ты. Я ухожу каждый день сражаться с другим великаном на другой конец света, и мне нужно, чтобы кто-нибудь присматривал в мое отсутствие за моим домом и поместьями. Если ты будешь служить мне верой и правдой и исполнять все, что я прикажу, я дам тебе мешок золота по окончании службы.

Джек обещал исполнять все в точности.

После этого Великан предложил Джеку сытный ужин и мягкую постель. И сладко спалось Джеку в эту ночь.

Поутру Великан разбудил Джека очень рано, раньше, чем запели жаворонки.

— Джек, мой милый мальчик, — сказал он. — Мне пора отправляться на другой конец света сражаться с Великаном Четырех Ветров. Вставай и принимайся за работу. Ты должен привести в порядок весь дом и стеречь его до моего прихода. Можешь ходить по всем комнатам и всюду заглядывать, кроме конюшни. Дверь в конюшню заперта, и под страхом смерти не отворяй ее и не входи в конюшню. Помни же это!

Джек обещал в точности исполнить приказание. Великан заглянул на минуту в конюшню и ушел из дому. Как только он

ушел, Джек принялся убирать и приводить в порядок огромный и прекрасный великанов дом. Убравши дом, он пошел во двор, прибрал скотный двор и все службы, какие только были, кроме конюшни. Покончив с работой, он остановился у конюшни и долго стоял перед ней.

— Хотел бы я знать, что там такое, и почему хозяин запретил мне под страхом смерти входить туда, — подумал он. — Дай-ка я войду и погляжу; ведь от того большой беды не будет.

Все двери в замке Великана отпирались маленьким кольцом, которое поворачивалось на стержне посередине двери. Джек приблизился к дверям конюшни, повернул колечко, и дверь распахнулась настежь.

В конюшне Джек увидал Кобылу и Медведя, стоявших у яслей, но не прикасавшихся к корму. Перед Медведем лежало сено, а перед Кобылой мясо.

— Неудивительно, — сказал Джек, — что вы не едите, бедные создания. Это по вине Великана.

И он вошел и переставил корм: сено положил перед Кобылой, а мясо перед Медведем. Они так и набросились на еду, а Джек вышел и запер дверь конюшни. Когда он поворачивал кольцо, один из его пальцев застрял в нем и, как он ни старался, не мог его выдернуть. Джек увидел, что дело плохо.

— Как ни верти, — сказал он, — а Великан вернется и застанет меня здесь.

Он выхватил нож, отрезал палец и оставил его в замке.

Вечером, когда Великан вернулся домой, он спросил Джека, как он провел день и что делал.

— Я хорошо провел день и успел все сделать.

— Джек, — сказал Великан, — покажи-ка мне свои руки.

Джек протянул руки, и Великан увидел, что на одной руке не хватает пальца. Он потемнел в лице от гнева и сказал:

— Джек, не я ли запрещал тебе, под страхом смерти, ходить в конюшню?

Бедный Джек оправдывался, как мог, и объяснил, что не хотел послушаться, но любопытство взяло верх, и он отворил дверь.

Великан, выслушав его, ответил:

— Еще ни один человек не выходил живым из этой конюшни, а ты остался жив только по особой причине. Твой дедушка оказал однажды моему отцу большую услугу. Я умею помнить добро и за эту услугу прощаю тебя на первый раз и дарю тебе жизнь; но если ты ослушаешься снова, — не быть тебе в живых.

Джек уверял и клялся, что уж никогда больше не заглянет в конюшню. Поужинав, он лег спать. Рано утром Великан разбудил его и сказал:

— Джек, я должен опять уйти на другой конец света сражаться с Великаном Четырех Ветров. Ты знаешь уже свои обязанности — стеречь дом и двор и приводить все в порядок. Можешь ходить всюду, где тебе понравится, только не отворяй дверей в конюшню, иначе ты погиб.

— Буду помнить, — пообещал Джек.

В это утро Великан опять заходил в конюшню и сейчас же ушел. По его уходе Джек принялся за работу; он ходил по всему дому, всюду чистил и убирал; потом обошел все дворы и сараи, кроме конюшни. Он долго стоял перед ней, разговаривая сам с собой:

— Что-то подельывают Кобыла с Медведем? И что делал Великан, когда входил сюда? Я бы дорого дал, чтобы узнать это. Дай-ка погляжу одним глазком.

Он повернул кольцо, дверь распахнулась, и он увидел, что Кобыла и Медведь стоят по-прежнему и не едят. Он вошел в конюшню.

— Бедные твари, — сказал он, видя, что сено лежит перед Медведем, а мясо перед Кобылой. — Неудивительно, что вы не едите, опять по милости Великана.

Джек снова переменил пищу, положив сено перед Кобылой, а мясо перед Медведем, как следовало. И Кобыла с Медведем жадно принялись за еду. Джек вышел вон и запер дверь, но когда он поворачивал кольцо, палец его застрял в нем, и Джек напрасно старался вытащить его.

— Ох, — промолвил Джек, — быть мне без головы сегодня.

Он выхватил нож, отрезал палец и оставил его в кольце.

Вечером Великан вернулся домой.

— Ну, мой милый мальчик, — обратился он к Джеку, — как провел ты сегодняшний день?

— Очень, очень хорошо, — отвечал Джек, держа все время обе руки за спиной.

— Покажи-ка мне твои руки, Джек, — продолжал Великан, — я посмотрю, чисты ли они, и часто ли ты их моешь.

Когда же Джек показал свои руки, лицо Великана потемнело от гнева, и он сказал:

— Не я ли предупреждал тебя, чтобы ты под страхом смерти не ходил в конюшню, и ты клялся никогда не ходить туда, а теперь, я вижу, ты не сдержал слова!

Великан долго кричал на Джека и топал, и наконец смиловался:

— Так как твой дедушка оказал очень большую услугу моему отцу, то я пощажу тебя и на этот раз; но, Джек, проживи ты хоть сто лет у меня на службе, если ты опять отворишь дверь в конюшню и войдешь туда, то в тот же день ты умрешь. Это так же верно, как то, что у тебя голова на плечах. Запомни же это.

Джек горячо благодарил Великана за дарование ему жизни и клятвенно обещал в точности исполнять его приказания.

Ранним утром Великан разбудил Джека, сказав, что должен опять идти сражаться с врагом, и отдал Джеку нужные распоряжения, остерегая его, как и раньше, насчет конюшни.

Перед уходом он снова заглянул в конюшню. Когда Великан ушел, Джек обошел весь дом, все дворы и сараи, все убрал и почистил, и очутился опять перед конюшней.

— Любопытно знать, как поживают бедные Кобыла и Медведь, — раздумывал Джек. — И что делал там сегодня Великан? Мне бы очень хотелось узнать; я только чуть-чуть погляжу — и он отпер дверь.

Джек заглянул в конюшню и увидел, что Кобыла и Медведь опять стоят, уставившись друг на друга, и не едят. И опять мясо лежит перед Кобылой, а сено перед Медведем, как в прежние разы.

Джеку опять стало жаль животных, он вошел в конюшню и переменял пищу; сено положил перед Кобылой, а мясо перед Медведем, и звери припали к еде.

Когда он это сделал, Кобыла заговорила с ним человеческим голосом:

— Жаль мне тебя, бедный Джек, — сказала она. — Сегодня ночью ты будешь убит. Жаль мне и нас, потому что и нам не миновать гибели.

— Ох, ох, ох! — молвил Джек. — Неужто нам так и погибать?

— Нет, можно помочь беде, — ответила Кобыла.

— Как же? — спросил Джек.

— Возьми это седло и уздечку, набрось на меня, и мы ускачем подальше, прежде чем Великан вернется.

Джек проворно набросил на Кобылу седло и уздечку и прыгнул к ней на спину, чтоб ускакать прочь.

— Ах, — заговорил вдруг Медведь, — как же вы, так и уйдете и покинете меня в беде?

— Нет, — ответила Кобыла, — мы не сделаем этого. — Джек, — обратилась она к нему, — возьми вот эту цепь и привяжи меня к Медведю.

Джек привязал Кобылу к Медведю цепью, которая висела рядом; все трое — Медведь, Кобыла и Джек — поскакали и долго-долго мчались во весь опор. Спустя некоторое время кобыла сказала Джеку:

— Оглянись назад и скажи, что ты видишь.

Джек оглянулся и ответил:

— Ох, я вижу Великана Ста Холмов; он мчится, как свирепый ураган, и скоро настигнет нас. Пропала наша головушка!

— Не горюй, еще не все пропало, — сказала Кобыла. — Загляни в мое левое ухо и скажи, что ты там видишь.

Джек посмотрел и увидел маленький каштан.

— Брось его через твое левое плечо, — приказала Кобыла.

Джек перекинул каштан через свое левое плечо, и в одну минуту позади их вырос каштановый лес на десять миль в окружности!

Они мчались вперед весь день и всю ночь; на другой день, в полдень, Кобыла опять велела Джеку оглянуться. Джек оглянулся и воскликнул:

— Горе нам! Великан мчится за нами, как осенний ураган.

— Ты ничего особенного не замечаешь на нем, Джек? — спросила Кобыла.

— Да, — ответил Джек, — на макушке его столько кустов, а у ног столько разной дичи, что ему надолго хватит топлива и пищи. Теперь мы погибли, — прибавил бедный Джек.

— Не унывай, еще можно спастись, — успокоила его Кобыла. — Загляни-ка в мое правое ухо и скажи, что ты видишь.

Джек заглянул в правое ухо Кобылы и увидел там каплю воды.

— Брось ее через твое левое плечо, Джек, — приказала она, — и увидишь, что будет.

Джек бросил каплю воды через свое левое плечо, и в то же мгновение между ними и Великаном появилось озеро, на сто миль в длину и ширину, и такой же глубины.

— Теперь, — сказала Кобыла, — он не сможет догнать нас, пока не выпьет всей воды из озера; когда же он ее выпьет, то лопнет, и мы навсегда избавимся от него.

Джек поблагодарил судьбу, и они помчались дальше. В скором времени приблизились они к границе Шотландии и увидели дремучий лес.

— В этом лесу мы с Медведем останемся на житье, — сказала Кобыла.

— А мне как же быть? — спросил Джек.

— Ты, Джек, должен отправиться по свету искать себе дела. Неподалеку отсюда находится замок Шотландского Короля, и мне думается, ты сможешь поступить к нему на службу; но тебя необходимо превратить в Горбуна-Кривульку, потому что у Короля три дочери красавицы, и он не примет на службу такого красивого юношу, как ты, из опасения, чтобы девушки не влюбились в тебя.

Кобыла приблизила ноздри к груди Джека, обдала его своим дыханием, и он мгновенно превратился в уродливого, маленького Горбуна-Кривульку.

— Прежде, чем ты уйдешь, Джек, — продолжала Кобыла, — погляди в мое левое ухо и возьми то, что увидишь там.

Из левого уха Кобылы Джек вытащил шапочку.

— Это волшебная шапочка, Джек. Каждый раз когда тебе захочется чего-нибудь, ты надень ее на себя, и желание твое исполнится. Если с тобой приключится какая-нибудь беда, приходи ко мне, я постараюсь выручить тебя, а теперь прощай.

Кобыла обдала его своим дыханием, и он мгновенно превратился в уродливого, маленького Горбуна-Кривульку.

Джек простился с Кобылой и Медведем и ушел. Он вышел из лесу и вдали заметил замок, куда и направился. Войдя в кухню, он увидел девушку, чистившую ножи. Джек объявил ей, что желает поступить на службу к Королю. Девушка ответила, что Шотландский Король не принимает на службу мужчин, и что он может убираться отсюда под добру-поздорову.

Джек уверял, что его примут на службу, и девушка согласилась, наконец, доложить о нем Королю.

Когда девушка вышла из кухни, Джеку захотелось, чтобы все ножи и вилки были вычищены до ее возвращения. Он надел свою Волшебную Шапочку, и в единый миг целая гора ножей и вилок, вышиной в десять аршин, была вычищена и блестела, как новая посуда. Сперва Король не хотел принять Джека на службу, но, узнав, как быстро он вычистил целую кучу ножей и вилок, согласился взять его. Но прежде, чем принять Джека, Король позвал своих трех дочерей и показал им нового слугу, чтобы видеть, какое впечатление он на них производит. Когда королевны пришли в кухню и увидели маленького, безобразного горбуна, они попадали в обморок, и их пришлось вынести на руках.

— Это хорошо, — сказал Король, — ты наверное уживешься у нас.

Джек остался, и Король послал его на работу в сад.

Вскоре Царь Востока объявил войну Королю Шотландии. Царь Востока обладал могущественной армией и поклялся стереть с лица земли Короля Шотландии.

Король Шотландии очень встревожился и призвал на совет своего Великого Мудреца.

Великий Мудрец посоветовал Королю выдать немедленно всех дочерей замуж за королевских сыновей, чтобы получить поддержку в войне.

Король пришел в восхищение от такого мудрого совета, и на следующий день разослал гонцов во все стороны объявить, что Король Шотландии выдаст замуж своих трех прекрасных дочерей.

В скором времени приехал сын Испанского Короля и женился на старшей дочери Шотландского Короля. За ним явился сын Французского Короля и женился на средней дочери. Множество разных принцев приезжало свататься к третьей дочери, прекраснейшей из всех и называвшейся Желтой Розой, но ни один из них не понравился ей, и она всем отказала.

Отец разгневался на царевну за ослушание и прогнал ее с глаз долой. Желтая Роза была убита немилостью отца и проводила целые дни в саду, где работал Горбун-Кривулька. Она часто приходила к нему и беседовала с ним подолгу.

Вскоре Горбун-Кривулька заметил, что она любит его. Со своей стороны и он горячо полюбил принцессу, так как это была самая красивая и очаровательная девушка в свете.

Тем временем Великий Мудрец посоветовал Королю послать обоих зятьев своих — Принца Испанского и Принца Французского — к Колодцу Края Света за двумя пузырьками живой воды, чтобы на войне излечивать ею раненых и оживлять мертвецов. И Король приказал Принцам отправиться к Колодцу Края Света и привезти ему два пузырька живой воды.

Желтая Роза рассказала обо всем этом Горбуну-Кривульке. Подумав, он решил навестить Кобылу и Медведя и посоветоваться с ними, как быть.

Он отправился в тот лес, где они проживали. Кобыла с Медведем очень обрадовались ему и осыпали расспросами о его житье-бытье.

Джек сообщил им обо всем произошедшем, сказал, что завтра королевские зятья отправляются к Колодцу Края Света за живой водой, и спросил, как ему быть.

— Ты, Джек, должен отправиться с ними, — молвила Кобыла. — Возьми в королевской конюшне старую охотничью лошадь, самую худую и скверную, негодную к работе, оседлай ее старым соломенным седлом, а сам оденься в лохмотья, присоединись по дороге к Принцам и скажи, что ты поедешь с ними. Им стыдно будет и тебя, и твоей старой лошади, и они постараются отделаться от тебя. Когда вы приедете к распутью, один из Принцев предложит сойти и напиться; потом они скажут, что вам следует разделиться и отправиться каждому своей дорогой к Колодцу Края Света, а на обратном пути сойтись опять у этого перекрестка; и кто первый привезет пузырек с живой водой, тот и будет герой. Ты согласишься с ними. Они поедут своей дорогой и, отъехав немного, наполнят свои пузырьки из придорожных ключей, после чего вернутся к сборному месту; потом они отвезут свою воду к Королю и скажут ему, что это живая вода из Колодца Края Света; но ты приедешь первым. Когда ты выедешь на дорогу и минешь первый поворот, надень свою Волшебную Шапочку и пожелай два пузырька живой воды из Колодца Края Света. И ты их тотчас получишь.

Затем она надавала ему еще целую кучу советов, как поступать дальше, и простилась с ним. Джек поблагодарил Кобылу и ушел.

На другой день оба зятья Короля на великолепных конях отправились в путь к Колодцу Края Света; отъехав немного, они встретили Джека, в рубище, на старой, белой кляче с соломенным седлом. Он приблизился к ним и попросил позволения отправиться с ними за живой водой. Принцам казалось очень

ззорным иметь такого спутника, и они всячески старались избавиться от Джека.

Тем временем они подъехали к перекрестку, от которого расходились три дороги.

Принцы предложили здесь напиться, а напившись, — разделить и ехать каждому отдельно. И кто раньше вернется с водой, тот и будет герой.

На том порешили, и каждый поехал своей дорогой.

Проехав первый поворот, Джек надел свою Волшебную Шапочку и пожелал два пузырька живой воды из Колодца Края Света; не успел он пожелать, как желание его было исполнено, и он возвратился с водой. Велико было удивление Принцев, когда, приехав на место, они убедились, что Джек опередил их.

Они решили, что он не был у Колодца Края Света и набрал в пузырьки не живой воды, а просто ключевой.

— Как бы этого у вас не оказалось, — ответил Джек. — Давайте испытаем мою и вашу воду. Когда подъедет ваш слуга, отрубите ему голову и побрызгайте ее водой из ваших пузырьков.

Но они отказались от опыта, так как знали, что их вода не оживит мертвеца, и предложили Джеку испытать свою воду.

— Идет, — согласился Джек.

И когда слуга подъехал с пузырьками Принцев, Джек выхватил меч и отрубил ему голову, а через мгновение двумя каплями воды из одного пузырька он оживил его.

Увидя это, принцы спросили Джека:

— Что возьмешь ты за свои пузырьки с водой?

— Отдайте мне ваши золотые венчальные кольца, — ответил Джек, — и позвольте написать на ваших спинах, что мне вздумается.

Принцы согласились, отдали ему свои венчальные кольца и подставили обнаженные спины, на которых Джек написал: «Этот человек незаконно женат». Затем он отдал им пузырьки с живой водой, которую они поспешили отвезти королю, а сам, в образе Горбуна-Кривульки, вернулся в сад, к своей работе.

Джек не сказал Желтой Розе, где он был и что делал, и сказал только, что уходил по поручению Короля.

Получив живую воду, Король отдал войскам приказ начать сражение на следующий же день.

Рано утром Джек был уже в лесу и советовался с Кобылой, как быть дальше.

— Загляни в мое левое ухо, Джек, — сказала Кобыла, — и возьми то, что увидишь там.

Джек поглядел в ее левое ухо и вытащил оттуда пышный воинский наряд.

Кобыла велела ему облачиться в это платье и сесть к ней на спину. Как только Джек переоделся, он сейчас же из Горбуна-Кривульки превратился в красивого, бравого воина. Он вскочил к Кобыле на спину, и все трое — Кобыла, Джек и Медведь — отправились на войну. Все заглядывались на Джека, так он был хорош собой. И до Короля дошла молва о знатном Принце, приехавшем на войну в сопровождении Кобылы и Медведя. Король вышел поглядеть на Принца и спросить его, на чьей стороне он будет сражаться.

— Нынче я буду сражаться только за короля Шотландии, — ответил Джек.

Король сердечно поблагодарил его и выразил уверенность в победе.

Войска выступили в бой под предводительством Джека. Он рубил направо и налево, и при каждом взмахе его меча поднимался такой ветер, что дома сотрясались на другом краю

света. Скоро Царю Востока пришлось бежать с поля сражения с остатками своей армии. По окончании битвы Король Шотландский пригласил Джека к себе на пир, который он хотел дать в честь победителя, но Джек отказался, говоря:

— Дома не знают, где я, и будут беспокоиться. Я должен поскорее вернуться домой.

— В таком случае, — продолжал Король, — позволь мне сделать тебе подарок. Вот Скатерть Самобранка. Каждый раз, когда ты расстелишь ее, она будет покрываться всевозможными яствами и напитками.

Джек взял скатерть, поблагодарил Короля и уехал. Кобылу и Медведя он оставил в лесу, снова превратился в Горбуна-Кривульку и вернулся к себе в сад. Желтая Роза с восхищением рассказывала ему о храбром рыцаре, который победил врагов ее отца.

— О, — ответил Джек, — это был, как видно, необыкновенный рыцарь. Жаль, что меня не было на войне, мне пришлось ходить по поручениям Короля.

— Бедный Горбун-Кривулька, — сказала Принцесса, — что проку было бы, если бы ты пошел на войну.

На следующее утро Джек опять отправился в лес советоваться с Кобылой.

— Джек, — приказала она, — загляни в мое левое ухо и возьми то, что увидишь там.

Джек поглядел и вытащил из левого уха Кобылы богатый воинский наряд, весь затканый серебром, какого он еще никогда не видал. Он нарядился, вскочил к Кобыле на спину, и опять они втроем с Медведем явились на войну. Все любовались прекрасным отважным рыцарем, неожиданно появившимся на поле сражения. Молва о рыцаре дошла и до Короля, и он вышел приветствовать незнакомца и побеседовать с ним.

— Твой брат, — сказал Король, — выиграл мне вчера битву. Он прекрасный, милый юноша. На чьей же стороне будешь ты сражаться?

— Ни за кого не подыму я сегодня меча, только за короля Шотландии.

Король поблагодарил его от всего сердца, и войска вступили в бой с Джеком во главе.

Джек рубил во все стороны, и ветер от ударов его меча косил леса на другом краю света.

И скоро Царь Востока принужден был обратиться в бегство с уцелевшей частью своей рати.

Король поблагодарил Джека и пригласил его к себе в замок, где он хотел устроить в честь него пир. Но Джек отказался под предлогом, что дома не знают, где он, и будут беспокоиться, пока он не вернется.

— Позволь хоть преподнести тебе подарок, — попросил Джека Король. — Вот кошелек, из которого можешь брать столько денег, сколько тебе угодно. Он никогда не опустеет.

Джек взял кошелек, поблагодарил Короля и уехал. В лесу он оставил Кобылу и Медведя, а сам превратился опять в Горбуна-Кривульку и вернулся в сад, куда вскоре пришла и Желтая Роза. Она рассказала ему о блестящей победе храброго и прекрасного рыцаря, брата вчерашнего героя, который выиграл вторую битву для ее отца.

— Это, должно быть, и вправду необыкновенный воин, — промолвил Джек. — Как жаль, что меня не было там; твой батюшка посылал меня с поручением.

— Ох, мой бедный Горбун-Кривулька, — сказала Королева, — так лучше; что бы ты делал там?

Через три дня Царь Востока вновь отважился явиться на войну с Королем Шотландии. В день битвы, рано утром, Джек поспешил в лес к Кобыле за советом.

— Загляни в мое левое ухо, Джек, и возьми, что увидишь там, — опять сказала Кобыла.

И Джек вытащил из ее уха еще более пышный воинский наряд, весь затканый золотом и драгоценными камнями.

Он надел его, и опять Джек, Кобыла и Медведь отправились на войну.

Король услышал о знатном всаднике, который явился на войну с Кобылой и Медведем; он вышел приветствовать гостя и рассказал ему, что его братья выиграли уже два сражения.

— А за кого будешь ты сражаться, благородный рыцарь? — спросил Король.

— Я подыму свой меч только за короля Шотландии, — ответил Джек.

Король горячо поблагодарил его, выразив уверенность в полной победе, и королевские войска выступили в бой с Джеком во главе.

Джек рубил направо и налево, и от ударов его меча сотрясались горы на другом краю света.

Вскоре Царь Востока принужден был покинуть поле сражения и бежать, куда глаза глядят.

Король Шотландский горячо благодарил Джека и сожалел, что не может вознаградить его достойно за такую блестящую победу. Он пригласил его к себе в замок, чтобы устроить в честь его пир, но Джек отказался, отговариваясь, что дома не знают, где он, и будут беспокоиться, если он скоро не вернется.

— Но я с братьями приду к тебе попировать в другой раз, — пообещал Джек.

— Когда же вы явитесь? — спросил Король.

— Мы все сразу не можем отлучаться из дому, — отвечал Джек. — Я приду к тебе на пир завтра, а братья в следующие дни.

Король согласился и поблагодарил Джека.

— А теперь, — прибавил он, — позволь преподнести тебе подарок, — и дал ему гребень, который обладал свойством вычесывать из волос груды золота и серебра, и превращал самого безобразного человека в красавца.

Джек поблагодарил Короля за подарок и уехал.

Оставив Кобылу и Медведя в лесу, Джек превратился опять в Горбуна-Кривулька и вернулся в королевский сад. К нему подошла Желтая Роза и рассказала ему о прекрасном и храбром рыцаре, брате двух предыдущих, который также выиграл битву для ее отца.

— О, это был, как видно, совсем необыкновенный рыцарь, — сказал Горбун-Кривулька. — Как жаль, что я не мог быть там; я целый день ходил по делам твоего батюшки.

— Бедный мой Горбун-Кривулька, — возразила Королева, — ведь это к лучшему. Что бы ты делал там?

На следующий день, незадолго до обеда, Джек побежал в лес к Кобыле и Медведю, нарядился в платье, бывшее на нем в первый день сражения, сел на Кобылу и отправился в королевский замок. Так как ворота были заперты, он перепрыгнул через стены, вышиной в девять верст. Король рассердился на слуг, что они не отперли ворот, но Джек уверял, что это сущие пустяки для него и его лошади.

После обеда Король спросил Джека, как нравятся ему его дочери и их мужья.

Джек расхвалил их и спросил, нет ли у него еще дочерей.

Король с грустью ответил, что есть еще одна, самая младшая, но она осмелилась не выйти замуж по приказанию Короля, и он прогнал ее с глаз долой.

Джек очень заинтересовался ею и попросил Короля послать за дочерью. Только ради высокого гостя решился Король нарушить свое слово и послал за Желтой Розой.

Когда Желтая Роза явилась, Джек вступил с ней в беседу и всеми силами старался ей понравиться; в этом блестящем принце она не узнала, конечно, безобразного Горбуна-Кривульку.

Принц сказал Желтой Розе, что он слышал, будто она имела несчастье полюбить уродливого горбатого карлика, работающего у них в саду.

— Я красив и богат, — прибавил он, — и готов отдать тебе себя и все свои богатства, если ты отдашь мне свою руку.

Принцесса страшно разгневалась и сказала ему:

— Не хочу я сидеть здесь и слушать, как оскорбляют человека, которого я люблю.

С этими словами она поднялась, чтобы уйти. Но Джек остановил ее:

— Прости, я хотел лишь испытать благородство твоей души. Позволь же мне сделать тебе маленький подарок, — и он протянул ей Скатерть-Самобранку. — Вот, — сказал он, — Скатерть-Самобранка. Когда ты выйдешь замуж за Горбуна-Кривульку, вы не будете нуждаться в еде и питье, пока скатерть будет находиться у вас.

Старшие сестры подбежали и выхватили у Желтой Розы Скатерть-Самобранку, но Джек отнял ее, оттолкнувши их.

На следующий день к обеду Джек явился, одетый в платье, которое было на нем во второй день сражения. Он опять перепрыгнул через ворота, и, когда король начал бранить слуг, рассмеялся и стал уверять, что это для него сущие пустяки.

После обеда Король спросил Джека, нравятся ли ему его дочери и их мужья. Джек ответил утвердительно и спросил Короля, нет ли у него еще дочерей.

— У меня есть еще одна дочь, — ответил горестно король, — она ослушалась меня и, кроме того, полюбила горба-

того урода, работающего в моем саду; и я запретил ей показываться мне на глаза.

Джеку захотелось увидеть ее, и он попросил Короля позвать младшую дочь. Не смог Король отказать дорогому гостю и послал за Желтой Розой. Когда Принцесса явилась, Джек вступил с ней в разговор и старался изо всех сил покорить ее сердце. Он рассказал ей о своих богатствах и громадных владениях, предлагал ей руку и уверял, что если она согласится, то будет всегда жить в роскоши, богатстве и счастье; кривой же горбун не даст ей ничего.

В негодовании поднялась Желтая Роза и сказала:

— Не хочу я слушать таких речей.

Но Джек остановил ее:

— У тебя благородное сердце. Позволь мне хоть сделать тебе подарок. — И он протянул ей кошелек.

— Вот, — сказал он, — кошелек, который никогда не опустеет, и вы с Горбуном-Кривулькой никогда не будете знать нужды.

Старшие сестры подбежали и хотели выхватить у нее кошелек, но Джек оттолкнул их и ушел.

Расставшись с Кобылой, Джек вернулся к себе в сад.

В сад Джек являлся всегда в образе Горбуна-Кривульки, а Принцессе говорил, что ходил по делам Короля.

На третий день он надел платье, в котором был в третьем сражении, и, перепрыгнув через стены замка, явился к обеду.

После пиршества, беседуя с гостем, Король спросил его, как ему нравятся его дочери и зятя. Джек ответил, что все ему очень понравились, и осведомился, нет ли у него еще дочерей.

Король сказал, что у него есть еще одна дочь, но она ослушалась его и притом еще полюбила Горбуна-Кривульку, за что он запретил ей показываться ему на глаза.

— Мне очень хочется увидеть ее, — попросил Джек.

Король не мог отказать гостю и послал за Желтой Розой. Когда Принцесса явилась, Джек начал беседовать с ней и всячески старался понравиться ей, но безуспешно. Он говорил ей о своих богатствах и многочисленных владениях и сулил все положить к ее ногам, если она отдаст ему свою руку. Он клялся сделать ее счастливейшей женщиной в свете; если же она выйдет замуж за Горбуна-Кривульку, то не только будет иметь безобразного мужа, но и будет влачить свою жизнь в нужде и заботах.

Желтая Роза разгневалась еще пуще прежнего. Она не стала слушать дальше и с негодованием сказала:

— Горбун-Кривулька для меня прекрасней и милей, чем ты или иной королевич. Будь ты вдесятеро красивее и во сто раз богаче, я не променяла бы мизинца Горбуна-Кривульки на тебя и на все твои сокровища.

И она поднялась, чтобы выйти вон.

Но Джек остановил ее.

— Постой, не уходи, — сказал он. — Я тронут твоим бескорыстием. Прими от меня небольшой подарок. Вот гребень, обладающий свойством вычесывать из головы золото и серебро и превращать уродов в красавцев.

Старшие сестры услышали его слова и хотели вырвать чудесный гребень из рук Желтой Розы, но Джек оттолкнул их так грубо, что их мужья бросились на него. Одним ударом руки Джек свалил их обоих наземь замертво.

Король в гневе набросился на Джека:

— Как смеешь ты обращаться так грубо с лучшими и честнейшими в свете людьми?

— Лучшие и честнейшие! — воскликнул Джек. — Оба они недостойные трусы, и даже не законные зятья тебе.

— Как дерзаешь ты говорить это? — закричал Король.

— Обнажи их спины, благо они лежат, и прочти, что на них написано.

И Король прочел на спинах зятьев: «Этот человек незаконно женат».

— Это что? — спросил Король. — Они оба венчались с моими дочерьми, и у них имеются венчальные кольца.

Джек вынул из кармана кольца, протянул их Королю и сказал:

— Вот эти кольца.

Желтая Роза вышла из комнаты еще до окончания ссоры и спустилась в сад. Джек попросил Короля сесть и объяснил, как ему достались кольца. Затем он рассказал, как он сделался Горбуном-Кривулькой, и всю свою историю. И прибавил:

— Если твоя младшая дочь, которую ты считаешь недостойной, отказалась променять Горбуна-Кривульку на богатейшего принца, то это только делает ей честь.

Король, как вы можете себе представить, теперь с охотой исполнил желание Джека.

Несколько капель живой воды привели в чувство зятьев Короля; по совету Джека Король приказал им убраться на все четыре стороны.

Джек расстался с Королем, оставил Кобылу в лесу и вернулся в сад прежним Горбуном-Кривулькой. А Желтой Розе он сказал, что ходил собирать чернику.

— Послушай, — лукаво обратилась к нему Желтая Роза, — у меня есть для тебя подарок. Дай-ка я расчесу твои волосы этим гребнем.

Горбун-Кривулька положил голову к ней на колени, и принцесса принялась расчесывать ему волосы. Она начесала из его головы целую меру серебра и золота; когда же он поднялся,

*Горбун-Кривулька положил голову к ней на колени,
и принцесса принялась расчесывать ему волосы.*

она увидала перед собой уже не Горбуна-Кривульку, а того прекрасного Принца, который так настойчиво просил ее руки последние три дня.

Он рассказал ей всю свою историю, и Желтая Роза чувствовала себя счастливейшей девушкой в мире.

Долго ли, коротко ли, сыграли свадьбу, которая длилась один год и один день; на ней играло пятьсот трубачей, пятьсот флейтистов и тысяча скрипачей, и последний день был веселее первого.

Вскоре после свадьбы Джек вышел погулять с молодой женой. Им пересекла дорогу молодая, прекрасная женщина. Джек заговорил с ней, но получил неприветливый ответ.

— Манеры твои не так хороши, как твоя наружность, — заметил ей Джек.

— Как они ни плохи, они все же лучше твоей памяти, Горбун-Кривулька, — ответила красавица.

— Как так? — спросил ее Джек.

Красавица отвела его в сторону и сказала ему:

— Я — та Кобыла, которая принесла тебе столько добра. Злой волшебник превратил меня в Кобылу на многие годы; но теперь чары с меня сняты, а также с моего брата, который был превращен в Медведя. Я надеялась, что ты возьмешь меня замуж; но, как видно, ты меня совсем забыл. Делать нечего; лучше и прекраснее жены, чем у тебя, я не могла бы тебе пожелать. Возвращайся в свой замок, будь счастлив и не поминай меня лихом.

Богатый Дональ и бедный Джек

NCE there were two brothers named...

Жили-были два брата; одного звали Дональ, а другого Джек. Дональ служил у богача, у которого была единственная дочь, и когда его хозяин помер, он женился на хозяйской дочери. Джек жил по соседству с братом, имел жену и кучу детей, а в доме было хоть шаром покати. Дональ же был скуп и никогда не оказывал помощи брату. Когда Джеку приходилось очень тяжело, он позволял себе украсть бычка из огромного стада Доналя и не считал этого большим грехом.

Наконец Дональ стал подозревать, что Джек таскает у него телят, да не знал, как удостовериться в этом.

Но старая теща Доналя придумала, как поймать Джека. Она велела Доналю положить ее в большой сундук с проделанными в нем дырочками и дать ей столько мяса и джина, чтобы ей хватило на девять дней. Затем приказала отнести сундук к Джеку и оставить его там, не говоря в чем дело.

Дональ отправился к Джеку и попросил позволения поставить на недельку в его кухне сундук с вещами. Джек ответил,

что с удовольствием поставит у себя и десять сундуков, если только Доналю нужно.

И Дональ притащил к Джеку сундук с тещей и провизией и поставил на видном месте в кухне.

В тот самый вечер, как сундук со старухой был поставлен в кухне Джека, он опять утащил теленка, зарезал его и принес домой; старуха все видела через дырочки сундука.

Когда Джекова семья сытно поужинала теленком, Джек, беседуя с женой, промолвил:

— Хотел бы я знать, что спрятано у Доналя в сундуке.

И вот он пошел к кузнецу, одолжился у него связкой ключей, подобрал ключ к сундуку и отпер его. Увидя, что в нем находится, он поскорее забрал оттуда мясо и джин, а на их место положил пустую бутылку и обглоданные кости, и запер старуху снова.

На девятый день явился Дональ за своим сундуком. Он поблагодарил Джека за услугу и сказал, что у него теперь дома есть место для сундука.

Каково же было изумление Доналя и его жены, когда, притащив сундук домой и открыв его, они увидели мертвую от голода старуху, а подле нее кучу костей и пустую бутылку.

Дональ подумал:

— Должно быть, теща по своей жадности съела все мясо и выпила всю водку в один день; вот и наказана за свою жадность.

Дональ и жена его отпели старуху и с честью похоронили ее, положив по обычаю под голову кошелек с деньгами, чтобы заплатить за дорогу на тот свет.

Джек был и на отпевании, и на похоронах и оплакивал старуху вместе с Доналем и его женой.

В ночь после похорон Джек вырыл тело и забрал деньги, положенные под голову покойницы, что было для него весьма кстати.

Затем он взвалил на плечи тело старухи и принес его в погреб Доналя. Он усадил старуху возле бочонка с вином, всунул стакан в ее руку и отвернул кран в бочонке.

Утром Дональ, по обыкновению, пошел первым делом в погреб выпить вина; увидя тещу, сидящую у бочонка с бокалом вина в руке, он со страху упал в обморок. Очнувшись, Дональ отнес старуху домой и уложил опять на стол.

А Джек в это утро отправился к Доналю будто бы проведать его.

— Доброе утро, Дональ, — приветствовал он брата, — как ты себя чувствуешь?

— Ох, ох, ох, Джек, у меня ужасное горе, — ответил Дональ.

— Что с тобой, в чем дело? — встревожился Джек.

— Моя теща ночью встала из гроба и вернулась домой, — сообщил брату Дональ; — утром, когда я зашел в погреб выпить вина, я увидел ее сидящей у пустого бочонка, с бокалом в руке. Что мне делать, что мне делать? — причитал он.

— Я знаю, почему она встала из могилы, — сказал Джек.

— Почему?

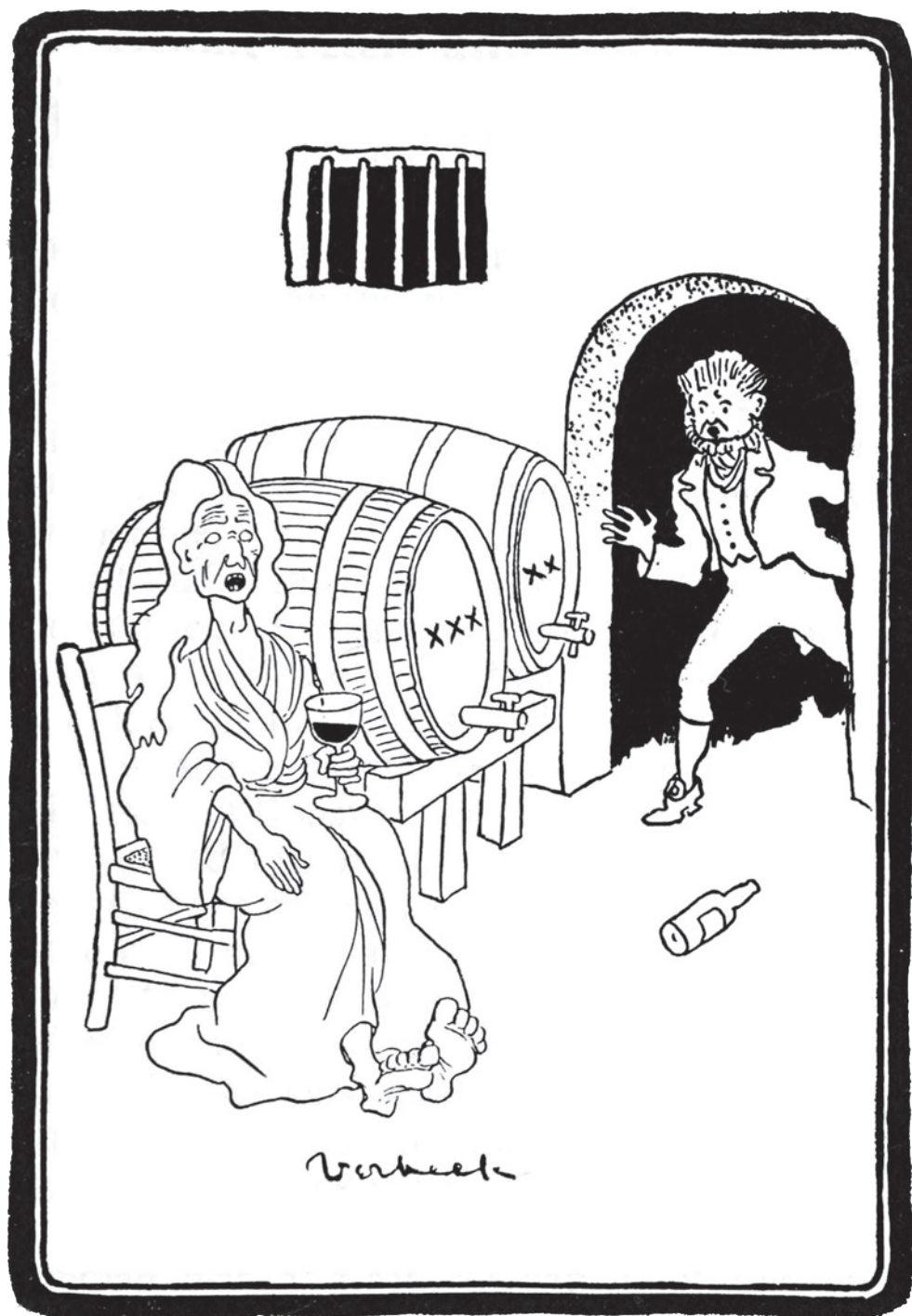
— Потому что ты похоронил тещу не совсем так, как следовало. Ты положил ей под голову только десять червонцев, а надо было положить пятьдесят.

— Это верно. Каюсь, я поскупился. Но теперь я постараюсь достойно похоронить ее.

Джек помог Доналю вторично похоронить тещу и видел, как ей положили под голову пятьдесят червонцев.

*Джек взвалил на плечи тело старухи
и принес его в погреб Доналя.*

Он усадил старуху возле бочонка с вином, всунул стакан
в ее руку и отвернул кран в бочонке.

— Теперь, — радовался Дональ, — она уж наверное не встанет из гроба пугать меня.

Ночью Джек пробрался на кладбище, снова откопал старуху и забрал пятьдесят червонцев. Взвалив старуху на плечи, он понес ее к Доналю в конюшню. Там он усадил ее на лучшего коня и привязал к седлу, чтобы она не свалилась, а к руке ее привязал меч. Джек знал, что утром Доналю нужно будет ехать в город платить похоронный сбор. Утром Дональ явился в конюшню за своей любимой черной кобылкой, когда было еще темно, и он ничего не заметил.

Конь, к которому Джек привязал старуху, был очень дружен с черной кобылкой, и когда Дональ вывел кобылку, то конь, отвязанный Джеком заранее, двинулся за ней.

Увидя выскочившего из конюшни коня, а на нем тещу с поднятым мечом, Дональ испустил крик ужаса, вскочил на кобылку и погнал ее изо всех сил.

За кобылкой понесся и конь, и чем быстрее мчался Дональ, тем быстрее догонял его конь.

Всякий раз, как Дональ оборачивался, он видел свою тещу с занесенным вверх мечом, которым, казалось, она хотела зарубить его.

А Джек, подстроив эту историю, притаился в расстоянии полуверсты от дома, у дороги, и когда Дональ, полумертвый от страха, поравнялся с ним, он вышел из засады и спросил как ни в чем не бывало:

— Что с тобой, Дональ?

Дональ ткнул пальцем себе через плечо; Джек одним прыжком подскочил к коню, остановил его и повел домой, а старуху снял с седла.

Опомнившись от страха, Дональ явился домой в самом жалком виде.

Всякий раз, как Дональ оборачивался, он видел свою тещу с занесенным вверх мечом, которым, казалось, она хотела зарубить его.

— Если теща каждый день вздумает вставать из гроба и преследовать меня, — уныло объявил Дональ, — то лучше мне сразу наложить на себя руки.

— Не падай духом, — сказал Джек. — Что ты мне дашь, если я избавлю тебя от тещи?

— Я дам тебе все, чего ты потребуешь, если только ты не захочешь лишнего.

— Что ж, — молвил Джек, — если будешь меня поить и кормить, то я готов постоянно жить у тебя и каждую ночь сторожить на могиле твоей тещи. Ста червонцев мне за глаза довольно.

Дональ положил ему сто червонцев в год, и они в третий раз похоронили старуху.

Старуха больше уже не вставала.

Дональ с женой снова зажили спокойно, а Джек, получая сто червонцев, считал себя самым счастливым человеком во всей Ирландии.

Снег, Ворон и Кровь

NE day in the dead of winter, when the...

Однажды, глубокой зимой, когда снег белой ска-
тертью покрывал всю землю, Джек, сын Ирланд-
ского Короля, отправился на охоту. Он увидел
ворона и убил его. Когда ворон упал на снег, Джек подошел
к нему и удивился: в жизни он не видал ничего чернее этого
ворона, ничего краснее его крови и ничего белее снега вокруг
него.

И он сказал себе:

— Я не успокоюсь до тех пор, пока не найду себе жены, у ко-
торой волосы были бы так же черны, как этот ворон, щеки так
же красны, как эта кровь, а кожа так бела, как этот снег.

Придя домой, он рассказал о своем приключении отцу и
матери и объявил, что пойдет по белу свету искать себе невест-
ту.

Король и Королева уверяли Джека, что такой девушки не-
возможно найти, и пытались отговорить его от этого намере-
ния, но Джек не слушал их.

Он отправился, получив благословение отца и матери, со ста червонцами в кармане, которые дал ему отец. Долго шел он и около полудня на следующий день, проходя мимо кладбища, увидел толпу, которая шумела над покойником.

Он подошел, спросил, в чем дело, и узнал, что пристав не позволяет хоронить труп, пока ему не уплатят ста червонцев. Джек сжалился над умершим и отдал за него свои сто червонцев; родные умершего горячо поблагодарили его и похоронили тело.

В тот же день вечером Джек встретился с рыжим карликом, который спросил его, куда он идет.

Джек ответил:

— Иду искать себе жену.

— Ну, — сказал рыжий карлик, — такому красивому юноше, как ты, не приходится ходить за этим далеко.

— О, очень далеко, — ответил Джек, — потому что девушка, которую я ищу, должна иметь волосы чернее самого черного ворона, щеки — краснее самой алой крови, и кожу — белее самого белого снега.

— Ну, — сказал рыжий карлик, — на свете есть только одна такая девушка, это Принцесса Востока. Много храбрых юношей ходили к ней свататься, но ни один из них не вернулся живым.

— Живой или мертвый, — воскликнул Джек, — я не успокоюсь, пока не дойду до Принцессы Востока и не посватаю ее!

— Хорошо, — сказал рыжий карлик, — только тебе нужен слуга. Возьми меня.

— Но у меня нечем платить тебе, — ответил Джек.

— Это не беда, — сказал рыжий карлик, — я и так пойду с тобой.

Поздней ночью они приблизились к огромному замку.

Он увидел ворона и убил его.

— Этот замок, — сообщил рыжий карлик, — принадлежит Великану Плаща-Невидимки.

— О, — сказал Джек, — я слышал об этом грозном великане. Лучше пройдем мимо и поищем приюта где-нибудь в другом месте.

— Нет, мы переночуем здесь, — сказал рыжий карлик, постучавшись в ворота.

Джек был слишком мужествен, чтобы бежать, и остался с рыжим карликом; громадный и страшный великан открыл ворота и спросил, чего им нужно.

— Нам нужен ужин и ночлег, — ответил рыжий карлик.

— Это недурно, — сказал великан. — Мне самому нужен и ужин, и постель. Я поужинаю вашим мясом и выплюсь на ваших косточках.

Но рыжий карлик в одно мгновение выхватил свой меч и бросился на великана, а великан выхватил свой и бросился на карлика.

Они вступили в горячий бой и дрались долго и ожесточенно, пока наконец рыжий карлик не пронзил сердце великана и не убил его.

Затем он повел Джека в замок, где они нашли обильный ужин и мягкую постель. Наутро они отправились дальше. Рыжий карлик захватил с собой Плащ-Невидимку убитого великана.

Они шли весь день и к ночи подошли к другому замку.

— Чей это замок? — спросил Джек.

— Это, — ответил рыжий карлик, — замок Великана Бездонного Кошелька.

— О, — сказал Джек, — я слышал об этом страшном великане. Пройдем мимо и остановимся где-нибудь в другом месте.

— Нет, мы остановимся только здесь, — сказал рыжий карлик. — Никогда еще я не боялся опасности, а теперь мне поздно учиться этому.

И прежде, чем Джек мог промолвить слово, он постучал в ворота; выглянул великан о двух головах и заревел:

— Что вам нужно, откуда вас несет нелегкая?

— Мы хотим немного, — ответил рыжий карлик: — только того, что нужно каждому путешественнику — поужинать и выспаться.

— Мне самому нужно и то и другое, — сказал великан. — Я приготавливаю вкусный ужин из вашего мяса и сладко высплюсь на ваших косточках.

И он захохотал так страшно, что замок задрожал, и волосы поднялись дыбом на голове бедного Джека.

Но в эту минуту рыжий карлик выхватил свой меч и бросился на великана, а великан со своим мечом бросился на карлика; оба они вступили в бой, долгий и жестокий, но наконец рыжий карлик пронзил мечом сердце великана, и великан испустил дух.

Затем они вошли в замок, где нашли сытный ужин и мягкие постели, на которых спокойно проспали до утра.

Утром они ушли, захватив с собой Бездонный Кошелек. Весь день они шли, а ночью подошли к третьему замку.

— Что это за замок? — поинтересовался Джек.

— Это замок Великана Сверкающего Меча, — ответил рыжий карлик.

— О, — сказал Джек, — я слышал об этом страшном великане и его ужасном мече. Не мешало бы поскорее убраться прочь от этого соседства.

— Никогда я еще не поворачивал спины ни перед кем из смертных, — промолвил рыжий карлик, — и не сделаю этого и теперь. Раз мы уж пришли сюда, то переночуем здесь.

Из замка вышел великан о двух головах.

И он постучал в ворота. Оттуда вышел страшный великан о трех больших головах и заревел так грозно, что холмы задрожали:

— Что вам нужно?

— Мы два бедные путника, — ответил рыжий карлик. — Ночь настигла нас в дороге, и мы просим накормить нас и приютить на ночь.

— Ха, ха, ха! — грозно захохотал великан. — Я сам отлично поужинаю вами и выплюсь на ваших косточках.

И с этими словами он выхватил из ножен свой страшный Сверкающий Меч, блеск которого трижды обегал вокруг света, когда его вынимали из ножен, а самый легкий удар убивал наповал всякое живое существо.

Но в это мгновение рыжий карлик набросил на великана Плащ-Невидимку, закрывший ему глаза, и, выхватив свой меч, начал рубить, колоть и резать его; великан же, с закрытыми глазами, не мог попасть в него, и вскоре рыжий карлик пронзил мечом его сердце, и великан свалился замертво.

Карлик с Джеком вошли в замок, где нашли отличный ужин и мягкую постель, на которой сладко выпались, а утром отправились дальше, захватив с собой Сверкающий Меч.

Обладая Бездонным Кошельком, они отныне ни в чем не нуждались и весело продолжали путь. Долго, долго шли они, пока, наконец, не пришли на Восток, к замку Принцессы. Не доходя до замка, они повели своих коней (теперь они уже путешествовали на прекрасных конях) в кузницу и подковали их золотом, затем сели на них и поехали к замку.

На этот раз они не стучали в ворота, а, вонзив золотые шпоры в бока лошадей, перескочили через стены замка.

Когда слуги и воины увидели незнакомцев, перескочивших через стены на лошадях, подкованных золотом, они стали сбе-

гаться со всех сторон смотреть на это диво. Карлик в качестве слуги Джека набирал из Бездонного Кошелька полные пригоршни серебра и золота и кидал в толпу.

Слуги побежали доложить Принцессе Востока о прекрасном и богатом незнакомце, который явился просить ее руки.

Они рассказали ей, как гости перепрыгнули через стены замка на лошадях с золотыми подковами, и как они рассыпали золото пригоршнями.

Принцесса приказала просить Джека к себе. Джек вошел и при первом взгляде на Принцессу был очарован ею, ибо никогда еще не видал он таких черных волос, таких румяных щек и губ, и такой белой кожи.

— Ты приехал сватать меня? — обратилась Принцесса к Джеку.

— Совершенно верно, — ответил Джек.

— Хорошо, — продолжала она, — каждому, кто желает посватать меня, я задаю три задачи. Кто решит все три задачи, тому отдам я свою руку; но если он не решит хоть одной из трех, ему снимают голову. Согласен ли ты на такие условия?

— Я согласен на все, — ответил Джек.

Тогда Принцесса повела его в Сад Голов и показала триста шестьдесят пять розовых кустов; на трехстах шестидесяти четырех из них вместо цветов торчали человеческие головы.

— Вот один еще цветок без головы, Джек, — сказала Принцесса, — но не позже чем через три дня я надеюсь увидеть и твою голову среди них.

Затем она опять повела его в замок и накормила вкусным ужином. После ужина, поболтавши немного с гостем, Принцесса поднялась, чтобы пожелать ему спокойной ночи.

На кустах торчали человеческие головы.

Она вынула из своих волос золотой гребень и показала его Джеку.

— Вот, — сказала она, — золотой гребень, который будет на мне всю ночь; я проведу эту ночь, от полуночи до рассвета, ни на земле, ни под землей. Ты должен похитить гребень у меня в эти часы, а утром отдать его мне, — и она всунула обратно гребень в волосы и ушла.

Бедному Джеку пришлось сознаться себе, что ему задали невыполнимую задачу. Сильно озабоченный, вышел он из замка и спустился в сад. Навстречу ему попался карлик, который спросил его, что с ним.

Джек рассказал, в чем состояла его беда.

— Не падай духом, Джек, — сказал карлик. — Посмотрим, не могу ли я помочь тебе.

Карлик удалился, взял свой Плащ-Невидимку и стал дожидаться полуночи у дверей Принцессы.

Ровно за минуту до полуночи Принцесса вышла из своей комнаты с золотым гребнем в волосах и отправилась в Ад. Рыжий карлик завернулся в Плащ-Невидимку и последовал за ней.

Она не останавливалась, пока не очутилась в Аду, куда пробрался за ней и карлик.

Дьявол очень обрадовался Принцессе; они расцеловались и уселись рядышком, весело болтая. Так как карлик был весь укутан Плащом-Невидимкой, то они его не видели, и он подкрался сзади, выхватил гребень из волос Принцессы и бросился с ним бежать на землю, где и отдал его Джеку.

Наутро, когда Принцесса явилась к завтраку, Джек протянул ей через стол золотой гребень. Она пришла в ярость при виде гребня, и глаза ее метали молнии.

В этот день вечером она показала ему бриллиантовый перстень на своем пальце и сказала, что она будет ни на земле, ни

Карлик подкрался сзади и выхватил гребень из волос Принцессы.

под землей от полуночи до рассвета, и что он должен в это время похитить у нее перстень и утром отдать его ей.

Она ушла, а Джек спустился в сад и раздумывал над новой задачей, когда перед ним явился рыжий карлик и спросил его, в чем дело. Джек рассказал ему.

— Не печалься, — сказал рыжий карлик, — я постараюсь помочь тебе.

Он взял свой Плащ-Невидимку и ночью стал опять поджидать Принцессу. Ровно за минуту до полуночи она вышла из своей комнаты и помчалась, не останавливаясь, прямо в Ад, где ее радостно встретил Дьявол. Обменявшись горячим поцелуем, они уселись рядышком и превесело болтали.

Рыжий карлик в своем Плаще-Невидимке стал позади нее и, улучив минуту, стащил перстень с ее пальца. Не оглядываясь, карлик удрал из Ада на землю к Джеку, которому и вручил перстень.

И когда Принцесса утром явилась к завтраку, Джек протянул ей через стол ее бриллиантовый перстень. На этот раз она рассердилась еще пуще прежнего.

— Хорошо, — сказала она, — ты исполнил две задачи, но третьей тебе никогда не исполнить.

Вечером она сказала Джеку:

— Я проведу эту ночь от полуночи до рассвета ни на земле, ни под землей, а утром ты должен подать мне уста, которые я целовала в это время. Теперь-то я наверное получу твою голову, потому что ни один меч, сделанный руками смертных, не может отрубить этих губ.

И она ушла.

Бедный Джек в самом удрученном состоянии спустился в сад.

— Пропала моя головушка — думал он.

Опять повстречался ему карлик и спросил, в чем его горе. Джек рассказал ему про новую задачу Принцессы.

— Не кручинься, я помогу тебе.

И он напомнил Джеку, что у него есть Сверкающий Меч, сделанный руками не простого смертного.

Карлик завернулся в свой Плащ-Невидимку, взял с собой Сверкающий Меч и стал у дверей Принцессы. Как раз перед полночью она вышла и отправилась прямо в Ад, в сопровождении рыжего карлика, которого не замечала. Дьявол с радостью встретил Принцессу и протянул к ней губы для поцелуя. В это мгновение карлик выхватил Сверкающий Меч, отсек его губы и удрал с ними во все лопатки.

На утро Джек протянул Принцессе через стол губы; она вся затряслась от злости. Он тут же попросил ее руки, и ей пришлось согласиться.

Как только сыграли свадьбу, рыжий карлик сказал Джеку:

— У меня есть для тебя свадебный подарок.

И он протянул ему десять шипов терновника и велел разламывать над женой по одному шипу каждое утро в продолжение десяти дней, и обещав, что если он точно исполнит его приказание, то через десять дней у него будет прекрасная жена.

Зная, как добр к нему карлик, Джек охотно согласился и разламывал над женой каждое утро по шипу в течение десяти дней. И каждое утро, когда он разламывал над ней по шипу, она понемногу освобождалась от власти Дьявола, а на десятый день из нее вышла вся нечистая сила.

На десятый день рыжий карлик спросил Джека, помнит ли он, как во время своих странствий заплатил однажды сто червонцев за покойника.

Джек отвечал утвердительно.

— Это был я, — сказал рыжий карлик, — и я постарался отплатить тебе. А теперь прощай, будь счастлив!

И рыжий карлик исчез, а Джек со своей красавицей женой стали жить да поживать, да добра наживать.

Приключения Сиада

IAD, Ceud, and Mith-Ceud were the...

У короля Норвегии было три сына: Сиад, Сеуд и Митсеуд. Они слыли за очень храбрых молодцов, и сами были о себе такого же мнения. Однажды Сиад долго гулял по берегу моря, все время раздумывая о чем-то. Вернувшись во дворец, он сказал отцу и братьям:

— Сеуд, Митсеуд и Сиад прославляются во всем мире, как герои и храбрые бойцы; но я хотел бы знать, чем они заслужили такую славу? Никто из нас не совершил никаких подвигов. Мне кажется, нехорошо иметь славу бойца, ничем не заслужив ее. Я намерен оставить родительский замок, пойти по белу свету и доказать, что я заслуживаю названия героя; если же мне это не удастся, я не вернусь домой.

Напрасно король пытался отговорить его — Сиад и слушать не хотел. Он твердил свое:

— Мне стыдно носить звание, которого я не заслужил.

Убедившись, что Сиада не переспоришь, король попросил его выбрать себе свиту из числа придворных слуг.

— Нет, — сказал Сиад, — я отправлюсь один.

Король не мог убедить его взять с собой спутников.

На другой день ранним утром Сиад проснулся и позавтракал. Он взял свое оружие и щит и отправился в путь-дорогу. Придя к морю, он пошел вдоль морского побережья.

Пространствовав часа три, он увидел на море пятнышко, которое стало приближаться и расти. Он увидел, что это лодка, и различил в ней женскую фигуру. Когда лодка совсем приблизилась, перед ним была дама необычайной красоты.

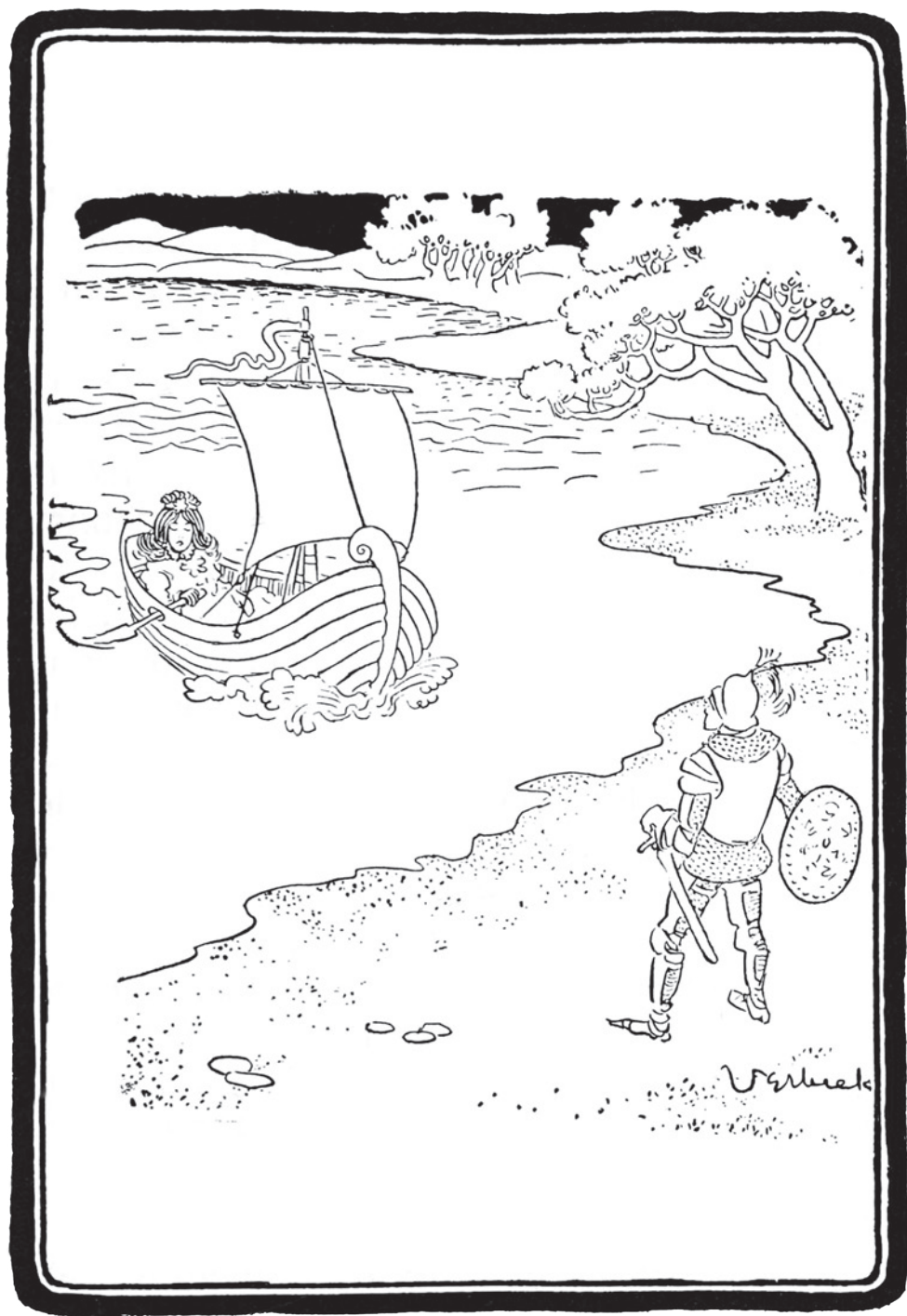
Когда лодка ударилась килем о берег, Сиад помог прекрасной даме сойти на сушу и промолвил:

— Откуда ты прибыла, прелестная дама, и кто ты такая? И куда ты направляешься одна-одинешенька?

— Прежде, чем я тебе отвечу, — молвила она, — ты должен сказать мне свое имя; на такие вопросы я отвечаю только лицам королевского происхождения.

— В моих жилах течет королевская кровь, — отвечал Сиад. — Я Сиад, сын норвежского короля.

— Как я рада этому, — проговорила дама. — Я Черный Глазок, дочь французского короля. Я прибыла из Франции, а куда направляюсь, и сама не знаю. Вот уж целых три года и один день я скитаюсь по морям в этой лодочке, ища героя. Злая мачеха околдовала меня, выгнала из дому и заставила блуждать по морям и океанам в этой лодочке, пока я не достану ей пузырек живой воды, принадлежащий Царице Острова Сокровищ. Когда я добуду ей эту воду, она снимет с меня проклятие. Вот уже три года я странствую по белу свету и разыскиваю этот остров, но не могу найти его и никто не знает, где он находится. Я уже наложила зарок на двенадцать величайших в мире героев, обещавших мне достать этот редкостный пузырек. Никто из них не добыл его, и все двенадцать лишились жизни. Если ты королевский сын и герой, то я кладу на тебя зарок добыть мне

*Когда лодка совсем приблизилась, перед ним
была дама необычайной красоты.*

пузырек живой воды от Царицы Острова Сокровищ и вручить мне его на этом самом месте через три года и один день.

И Сиад промолвил:

— Принимаю такой зарок, Черный Глазок.

Черный Глазок поблагодарила его. Он помог ей войти в лодку; она оттолкнулась от берега, поплыла и вскоре скрылась из глаз Сиада. Тогда Сиад вернулся в отцовский замок и рассказал отцу о своем приключении и о зароке, наложенном на него.

— Бедный мой мальчик, — сказал король, — боюсь я за тебя. Во всем свете не найдется и трех человек, которые бы знали местонахождение Острова Сокровищ, и если ты даже разыщешь его, то скорей лишишься жизни, чем добудешь пузырек живой воды.

Сиад ответил, что если более достойные люди сложили свою голову в этих поисках, то и ему не стыдно погибнуть в таком славном деле.

Отец посоветовал ему взять с собой девятью девять человек, если он намерен исполнить свой зарок.

— Нет, — молвил Сиад. — Я не возьму и девяти человек. Дай мне корабль, и пусть мои братья Сеуд и Митсеуд сопровождают меня. Если есть возможность добыть от Царицы Острова Сокровищ пузырек с живой водой, то я добуду его с помощью Сеуда и Митсеуда. Если же это не мыслимо, то не помогут и девять раз девятью девять человек.

Отец дал ему самый лучший корабль из всех, какие стояли в его гавани, и на утро Сиад, Сеуд и Митсеуд отправились в путь-дорогу.

Два дня и две ночи они плыли без всяких приключений; на третий день в морской дали показалось какое-то пятнышко. Вскоре они убедились, что это корабль, несшийся к ним на-

встречу. Когда он приблизился, они увидели, что он очень велик, а когда он подплыл совсем близко, на нем оказался только один человек — огромный великан, ростом превосходивший всех великанов Норвегии.

Когда странный корабль поравнялся с ними, великан спросил Сиادا, кто он такой и по какому праву бороздит чужие воды.

— Мне своего имени нечего стыдиться, — ответил Сиад. — Я — Сиад, сын норвежского короля. А ты кто такой и по какому праву задаешь мне такие вопросы?

— Я — Исполин Великих Морей, и в этих водах не разрешаю плавать никому.

— Если таков твой закон, — промолвил Сиад, — то мне очень жаль тебя: сегодня тебе придется нарушить его.

Великан взмахнул своим копьем, и в ту же минуту Сиад, не теряя времени, вскочил на палубу великанова корабля со своим копьем и щитом.

Завязался жестокий бой. Шум битвы был так силен и ужасен, что из Северных Морей приплыли тюлени, из морских пучин поднялись киты, с подводных лужаек собрались красные рыбки; все спешили взглянуть на побоище.

Великан был храбрый и искусный боец, помимо того, что отличался необычайной силой; но Сиад оказался и смелей, и искусней его. Они начали сражаться вскоре после восхода солнца, а когда оно погружалось в волны Западного Моря, битва еще не была окончена. Но она близилась к концу, потому что великан ослабел. Он, несомненно, был бы побежден, если бы не испустил троекратного клича. С неба спустился голубой туман и окутал его корабль.

Когда туман рассеялся, великан с кораблем исчезли, а Сиад барахтался в воде.

Братья взяли его на борт; он оказался так сильно израненным и так ослабел, что они решили вернуться домой.

Дома Сиад пролежал в постели три дня, и все время врачи не отходили от него.

Выздоровев, он попросил отца дать ему тридцать человек и другой корабль, чтобы он снова мог отправиться в путь. Отец тщетно уговаривал его остаться. Сиад твердил, что если он не исполнит своего обета, то ему стыдно будет смотреть людям в глаза.

Он отплыл на двух кораблях. Сам он с братьями плыл на одном корабле, а тридцать отцовских слуг на другом. Они плыли три дня и три ночи в том же самом направлении, что и в первый раз, и на утро четвертого дня увидали на горизонте два пятнышка, которые стали приближаться к ним. Оказалось, что это два корабля. На одном находился великан, а на другом толпа людей. Когда корабли съехались, Сиад окликнул Исполна Великих Морей и спросил его, намерен ли он драться. Исполин ответил:

— Если ты не желаешь, то и я не стану.

— Куда же ты отправляешься? — осведомился Сиад.

— Я отправляюсь искать Сокровища Мира, — отвечал Исполин.

— А где же они находятся? — спросил Сиад.

— На краю света, на острове, — молвил великан, — они принадлежат Царице Острова Сокровищ Мира.

— В таком случае и я отправляюсь с тобой, — объявил Сиад.

На том порешили и вместе отправились в путь.

Они плыли очень долго, пока, наконец, не достигли желанного острова. Великан предложил Сиаду:

— Пошли сперва своих слуг и пусть они потребуют Сокровища Мира.

Сиад согласился, и утром послал своих людей на остров; настала ночь, а они все не возвращались. На другой день Сиад сам высадился на острове и отправился разыскивать своих людей. Пройдя одну долину, он вступил во вторую, на дне которой увидал трупы своих верных слуг, плававшие в луже крови.

— Это великановы штуки, — сказал он себе. Вернувшись на корабль, он сказал своим братьям:

— Вы займитесь людьми великана, а я беру на себя его самого.

Те согласились, и они бросились на врагов.

Началась кровопролитная битва, какой не видали еще ни суша, ни море. Шум сражения был так велик, что со всех концов света собрались морские звери и чудовища глядеть на побоище. Они дрались весь день, и когда наступил вечер, Сеуд, Митсеуд и великановы слуги были уже трупами, а Сиад все еще сражался с великаном. Когда солнце стало погружаться в воду, великан почувствовал, что слабеет, и издал троекратный клич. Сиад увидел, что с неба спускается голубой туман. Он подпрыгнул в воздух, пронзил своим копьем сердце великана, и тот упал мертвым.

Затем он отправился на остров и прислонил своих братьев к скале, обращенной на восток; он надел им на головы шлемы, а в руки вложил по копью. На утро он отправился странствовать по острову, и к вечеру пришел к избушке, где сидела старая ведьма.

— Есть ли у тебя подручные? — спросил он ведьму.

— Сколько угодно, — ответила та.

— А покажи-ка мне их.

Ведьма ударила своим посохом по очагу, и откуда ни возмись явилось девять других ведьм, таких же старых и безобразных, как она сама.

*На дне долины он увидал трупы своих верных слуг,
плававшие в луже крови.*

Новый удар посохом, и перед Сиадом стояло девять прекраснейших девиц, каких он во всей своей жизни не видал.

— Если ты останешься жить со мной, — сказала ведьма Си-аду, — то сможешь выбрать себе в жены любую из этих красавиц.

Но Сиад вспомнил французскую королевну Черный Глазок, вспомнил свой обет, и отказался от предложения ведьмы. Ведьма в гневе стукнула оземь своим посохом, и красавицы исчезли. Он потребовал у ведьмы ужина и ночлега, и та угостила его кроличьим языком и лапками; вместо перины она положила ему колючей травы, а в товарищи дала черного кота.

Утром он спросил ведьму, где ему отыскать царицу острова.

— Я царица острова, — ответила ведьма.

— Вот как, — промолвил Сиад. — Подавай же мне скорей пузырек живой воды и Сокровища Всего мира.

— Этого ты не получишь.

— А если не получу, — сказал Сиад, — то возьму твою палку и переломая тебе все кости.

— Вот и видно, что ты настоящий герой, — насмешливо сказала ведьма. — Но если ты даже перемелешь меня в муку, то и тогда не приблизишься к живой воде и к сокровищам Всего Мира и на полвершка. Разве ты не знаешь, что Фич-Ан-Крук, страшный горный колдун, отнял у меня живую воду и Сокровища двести лет тому назад.

— Это неправда, — сказал Сиад.

Но ведьма показала ему следы когтей Фича, в которых еще не высохла вода от ночного дождя.

— А где он живет?

— Он живет на краю света.

— А как туда попасть? — спросил Сиад.

— Как сам знаешь, — ответила ведьма.

— Ну, — сказал Сиад, схватив ее посох, — если ты мне не скажешь этого, то я сотру тебя в порошок.

Делать нечего — повела ведьма Сиада к берегу, свистнула, и, глядь, на поверхности воды показалась красная рыбка.

— Следуй за этой рыбкой, — молвила ведьма, — и она приведет тебя к Фич-Ан-Круку.

Сиад взошел на корабль, распустил паруса и поплыл за красной рыбкой. Он плыл много дней и ночей, объехал полсвета и наконец приплыл в бухту, обросшую лесом. Здесь рыбка остановилась; Сиад причалил и вышел на берег.

Он странствовал по горам три дня и три ночи, и на четвертый нашел Фич-Ан-Крука, который делил говядину между своими людьми. Сиад подошел и попросил говядины.

— Не дам, — сказал Фич-Ан-Крук. — Ты очень кстати пришел, у меня уйдет меньше мяса.

— Это как же? — спросил Сиад.

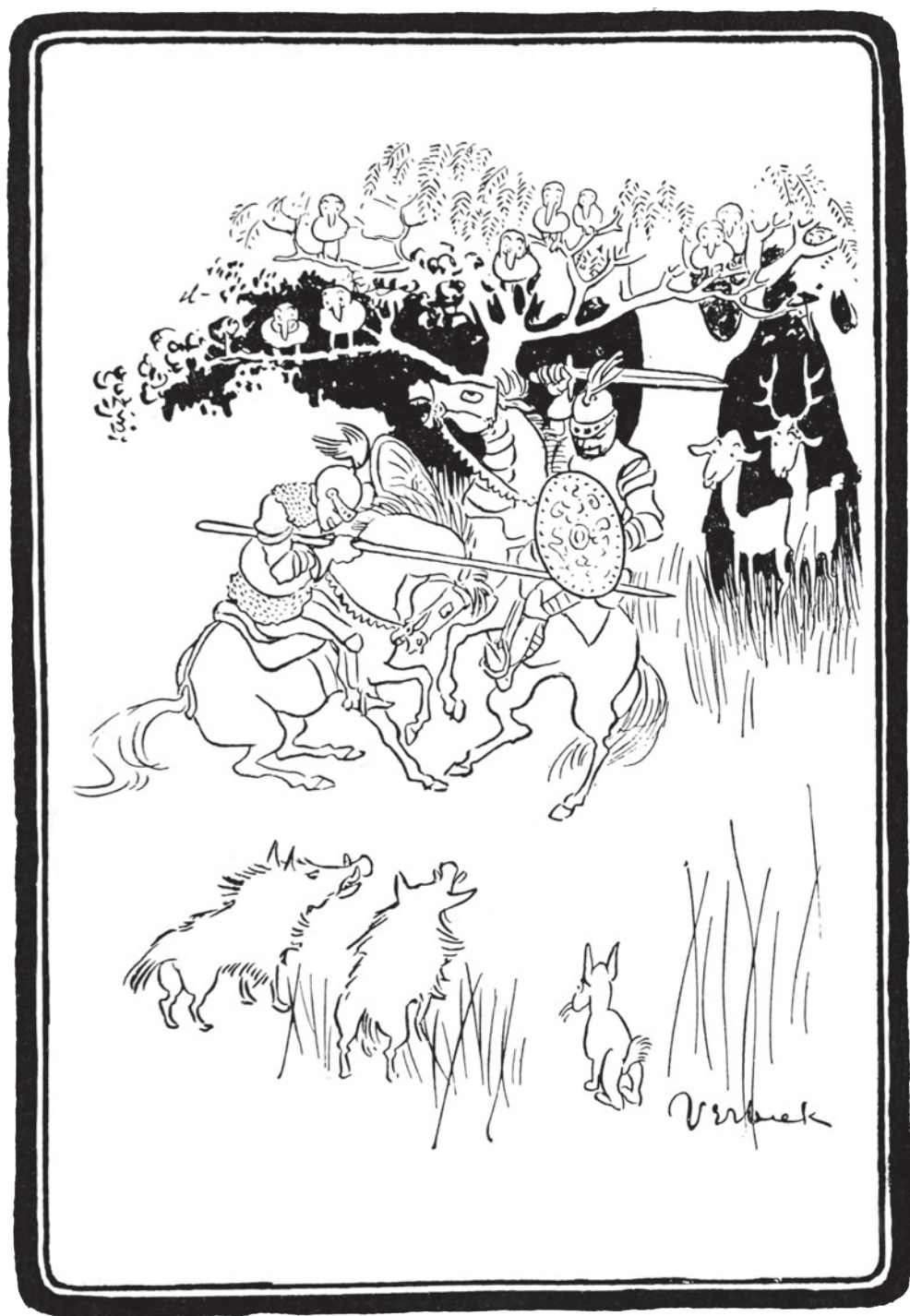
— А так, что я скормлю тебя людям.

— Как бы не так, — промолвил Сиад, и загорелся бой.

Фич был сильный и страшный боец, но Сиад не уступал ему в мужестве. На шум битвы сбежались кабаны с гор, из долин собрались лани, слетелись птицы из лесов всего мира; до наступления ночи Сиад свалил Фича наземь. Он придавил ему коленом грудь и спросил, где находится пузырек с живой водой и Сокровища Всего Мира.

— Если для этого ты явился сюда и ради этого сражался, то я не могу тебе помочь. Живая вода и Сокровища находились в моих руках только одну ночь, а затем Фич-Ан-Чоль, Лесной Колдун, отнял их у меня.

— Я не верю этому, — сказал Сиад.

*На шум битвы сбежались кабаны с гор, из долин собра-
лись лани, слетелись птицы из лесов всего мира.*

Но Фич-Ан-Крук показал ему следы Фич-Ан-Чоля, еще не смытые дождем.

— А где живет Фич-Ан-Чоль? — спросил Сиад.

— Он живет на другом краю света.

— Как туда попасть?

— Ты храбрый воин, — сказал Фич-Ан-Крук, — и я желаю тебе полного успеха.

Он три раза ударил в щит своим копьем, и на этот звон прибежал волкодав.

— Следуй за этой собакой, — прибавил Фич-Ан-Крук, — и она приведет тебя к Фич-Ан-Чолю.

Сиад отправился вслед за собакой и шел по горам и долам, по лесам и болотам, по зеленым лугам, пока не пришел в страну Фич-Ан-Чоля. У одной избушки он увидел самого колдуна. Он стоял, прислонившись к дверям своей хижины, и хохотал, и от этого хохота валялись старые дубы.

— Чему ты смеешься? — спросил Сиад, подойдя к Фич-Ан-Чолю.

— Я смеюсь от радости, что мне предстоит убить тебя.

— Посмотрим, засмеешься ли ты после! — проговорил Сиад и схватил свое копье. Начался бой. Звери и птицы собрались со всех сторон глядеть на битву, которая кончилась тем, что Сиад подмял под себя Фича.

— Ты храбрый воин, — промолвил Фич. — Говори, чем я могу услужить тебе?

— Отдай мне пузырек живой воды и Сокровище Всего Света.

— К великому сожалению, этого-то я и не могу сделать. Живая вода и Сокровища пробыли у меня всего одну ночь, а затем Царь Персидский отнял их у меня. Тебе остается только вернуться домой, потому что у Царя Персидского трудно что-нибудь вырвать.

— Почему ты так думаешь? — спросил Сиад.

— Потому что Царь Персидский, похитив Сокровища, немедленно призвал Семерых Колдунов Востока и приказал заколдовать себя так, чтобы никто не мог одолеть его.

— Пусть так, — сказал Сиад, — но я не могу вернуться домой. Я пойду навстречу своей судьбе.

Долго странствовал Сиад. Наконец он пришел к равнине, усеянной мертвыми телами, и на одном из покойников увидел золотой и серебряный сапог. Он попробовал стащить золотой сапог, но мнимый мертвец ударил его другой ногой и опрокинул наземь.

— Кто ты такой? — спросил Сиад.

— Я — Быстрый Меч, сын Короля Испанского, один удар меча которого имеет силу тысячи человек в течение тысячи лет и может выплеснуть целое море. Это моя армия, которую я привел с Востока; как видишь — вся она погибла.

— Как я рад, что встретил тебя, — сказал Сиад, — ведь я твой родственник, Сиад, сын Короля Норвежского. Пойдем со мной.

Они отправились в путь и шли до тех пор, пока не пришли к Озеру Певучего Берега. Озером они приплыли к небольшому домику.

Приближаясь к домику, они заметили, что с каждым их шагом из трубы вылетает белый голубь.

Силаду это показалось очень странным, и он решил войти и узнать, в чем дело. Внутри он увидел молодую красавицу, сидевшую у огня. В руке у нее был жезл, покрытый чешуйками. Она отрывала чешуйки по одной и бросала их в огонь, и каждая чешуйка на огне превращалась в белого голубя, который вылетал в трубу.

— Да благословят тебя боги! — сказал Сиад. — Я Сиад, сын Норвежского Короля. Я странствую по белу свету, чтобы

*Каждая чешуйка на огне превращалась в белого голубя,
который вылетал в трубу.*

разыскать Персидского Царя и отнять у него пузырек живой воды и Сокровища Мира. Не скажешь ли ты мне своего имени, прелестная дева?

И дева сказала:

— Я — Жемчужный Ротик, дочь Персидского Царя, и живу здесь одна-одинешенька вдали от родины и соотечественников.

— За что постигла тебя такая участь?

— Год тому назад я вышла замуж за Синее Золото, сына Африканского Царя. В самый день свадьбы Злой Холм, сын Греческого Короля, похитил моего супруга и превратил его в голубя Восточных Небес. И вот я сижу здесь уже целый год и посылаю к нему вот этих гонцов, но ни один из них не вернулся обратно.

— Как мне жаль тебя, — сказал Сиад.

— А мне жаль тебя, — возразила Жемчужный Ротик.

— Почему так?

— Потому что мой отец, Царь Персидский, не может быть побежден человеком, и ты никогда не отнимешь у него пузырька с живой водой и Сокровищ Мира.

— Пусть я умру, но попытаюсь добыть их, — воскликнул Сиад.

— Но не лучше ли добыть их и остаться в живых? — спросила Жемчужный Ротик.

— Но это невозможно!

— Если ты настоящий герой, то у тебя еще остается надежда.

И Жемчужный Ротик сказала Сиаду, что если он разыщет Злого Холма, сына Греческого Короля, победит его и возвратит ей Синее Золото, то она добудет у своего отца то, что ему нужно.

— Что ж, я это сделаю, — молвил Сиад.

— Это не так легко, — возразила Жемчужный Ротик. — Никто не может победить Злого Холма, если не обладает силой Стального Сердца, Принца Индийского.

— Тогда я отправлюсь искать этого принца.

Сиад двинулся в путь и не останавливался, пока не достиг пределов Индии.

— Отдай мне твою несокрушимую силу, — сказал он Стальному Сердцу.

— Этого ты не получишь, — ответил Стальное Сердце.

— В таком случае я буду с тобой сражаться.

— Ты понапрасну погибнешь, — молвил Стальное Сердце, — ибо только один человек в мире может меня победить.

— А кто это такой?

— Тот, кто может убить Исполина Великих Морей.

— Я это сделал. — И Сиад рассказал Стальному Сердцу свои приключения.

Тогда Стальное Сердце поздравил его и выразил полную готовность наделить его своей несокрушимой силой.

— Сломай ветку с дуба, который растет перед моим замком, и она придаст тебе силу, — сказал он.

Сиад отправился к дубу и сломал ветку; но едва она коснулась земли, как превратилась в огромное дерево, и то же самое происходило со всеми ветками, которые он отламывал. Стальное Сердце поспешил к нему на помощь. Он дал ему плащ и сказал:

— Расстели его под деревом.

На этот раз ветка, которую отломил Сиад, упала на плащ; он поднял ее и отправился разыскивать Злого Холма. Долго шел он по лесам и болотам, по горам и долам, по зеленым лугам, пока не нашел, наконец, в Африке Злого Холма, который находился со всей своей свитой на вершине горы. Приблизив-

шись, Сиад узнал, что Злой Холм венчается с Царицей Индии. Он направился прямо к тому месту, где жрецы благословляли молодых.

— Кто ты такой, чужестранец, и что тебе нужно? — спросил Злой Холм.

— Мне нужно победить тебя, — ответил Сиад.

— Это тебе не удастся. Лучше убирайся подобра-поздорову; не видишь разве, что я венчаюсь?

— Я не уйду, пока не лишу тебя жизни или ты не исполнишь моего требования.

— Я не дам тебе моей жизни и не исполню твоего требования, — промолвил Злой Холм, — но проколю тебя копьем, если ты не уберешься прочь сию минуту.

Тогда Сиад вызвал его на бой.

— Я не хочу в день своей свадьбы проливать ничьей крови, — сказал Злой Холм. — Знай, что меня может победить лишь тот, кто обладает силой Стального Сердца, принца Индийского.

— Вот она, — проговорил Сиад, бросая дубовую ветку к его ногам.

Злой Холм взглянул на ветку.

— Ты не пощадишь меня? — спросил он.

— Только в том случае, если ты мне скажешь, где находится Синее Золото, принц Африканский, которого ты похитил у его жены год тому назад, и как его разыскать.

— Я могу тебе рассказать, где он находится, — сказал Злой Холм, — но крепко сомневаюсь, чтобы ты мог добраться до него. Он летает диким голубем в Восточных Небесах, и ничем его нельзя поймать, как только волшебной сетью Друида Ирландского Короля, а эту сеть можно купить только за одну треть Сокровищ Мира, снять же заклятие, наложенное на него, можно только при помощи девяти пшеничных зерен, ле-

жащих на дне Колодца Края Света, который могут вычерпать лишь три тысячи человек в течение трех тысячелетий.

Услышав это, Сиад распрощался с Злым Холмом. Быстрый Меч он отправил в Ирландию попросить у королевского друида волшебную сеть, под условием уплатить ему треть Сокровищ Мира, и уговорился с Быстрым Мечом, чтобы тот сошелся с ним у Колодца Края Света.

Долго странствовал Сиад; шел он через горы вышиною в сто верст, через доли глубиною во сто верст, по равнинам, в которых никогда не обитала человеческая душа, по лесам, в которые никогда не залетала птица, — так они были дремучи; наконец, он добрался до Колодца Края Света, где застал уже Быстрый Меч с сетью Друида Ирландского Короля.

Тремя ударами меча Быстрый Меч осушил Колодец Края Света, со дна которого они затем достали девять пшеничных зерен.

Раскинув Сеть на Востоке, они поймали при помощи ее сто тысяч диких голубей, самый крупный из которых и был Синее Золото.

Они дали ему съесть девять зерен, и перед ними очутился прелестный принц.

Все вместе они отправились в обратный путь и прибыли к Озеру Певучего Берега, а затем к домику, в котором обитала Жемчужный Ротик. Можете себе представить ее радость при виде возвращенного супруга, принца Синее Золото!

Вчетвером они отправились в дальнейший путь и странствовали по горам и долам, по лесам и болотам, пока не прибыли к отцу принцессы, Персидскому Царю; у него она попросила пузырек живой воды и Сокровища Мира для Сиада, которого необходимо было вознаградить за его услуги.

И сказал Персидский Царь:

*Вчетвером они отправились в дальнейший путь
и странствовали по горам и долам, по лесам и болотам,
пока не прибыли к отцу принцессы.*

— Никому бы я не дал таких сокровищ, но славному Сиаду я их дарю от чистого сердца.

Эту ночь Сиад и Быстрый Меч провели в замке Персидского Царя, а поутру отправились домой. Прибыв на Равнину Крови, они брызнули каплей живой воды на армию Быстрого Меча, и вся армия встала на ноги как ни в чем не бывало.

Здесь Сиад расстался с Быстрым Мечом, отправившимся на покорение Востока, и прямым путем, не теряя времени, пошел домой. И в вечер того дня, который был ему назначен — через три года и один день от начала путешествия — Сиад стоял на том месте берега, с которого отправился. Черный Глазок уже находилась здесь, поджидая его.

Он вручил ей пузырек с живой водой, и чары мачехи спали с нее. Они отправились на остров, где остались его братья, Сеуд и Митсеуд; как только на них брызнули живой водой, они ожили. И все четверо, с живой водой и Сокровищами Мира, они прибыли к замку Сиадова отца.

Немедленно был отправлен во Францию посол приглашать короля со свитой и приближенными к дочери на свадьбу. Другой посол повез к Друиду Ирландского короля волшебную сеть и треть Сокровищ Мира и приглашение королю — явиться со всем своим двором на свадьбу. За свадебным столом сидело сто королей. Свадебные празднества длились девяносто девять дней и девяносто девять ночей, и каждый день был веселее предыдущего.

Сиад и Черный Глазок зажили весело и жили до глубокой старости.

Пчела, Арфа, Мышь и Таракан

INCE there was a widow, and she had...

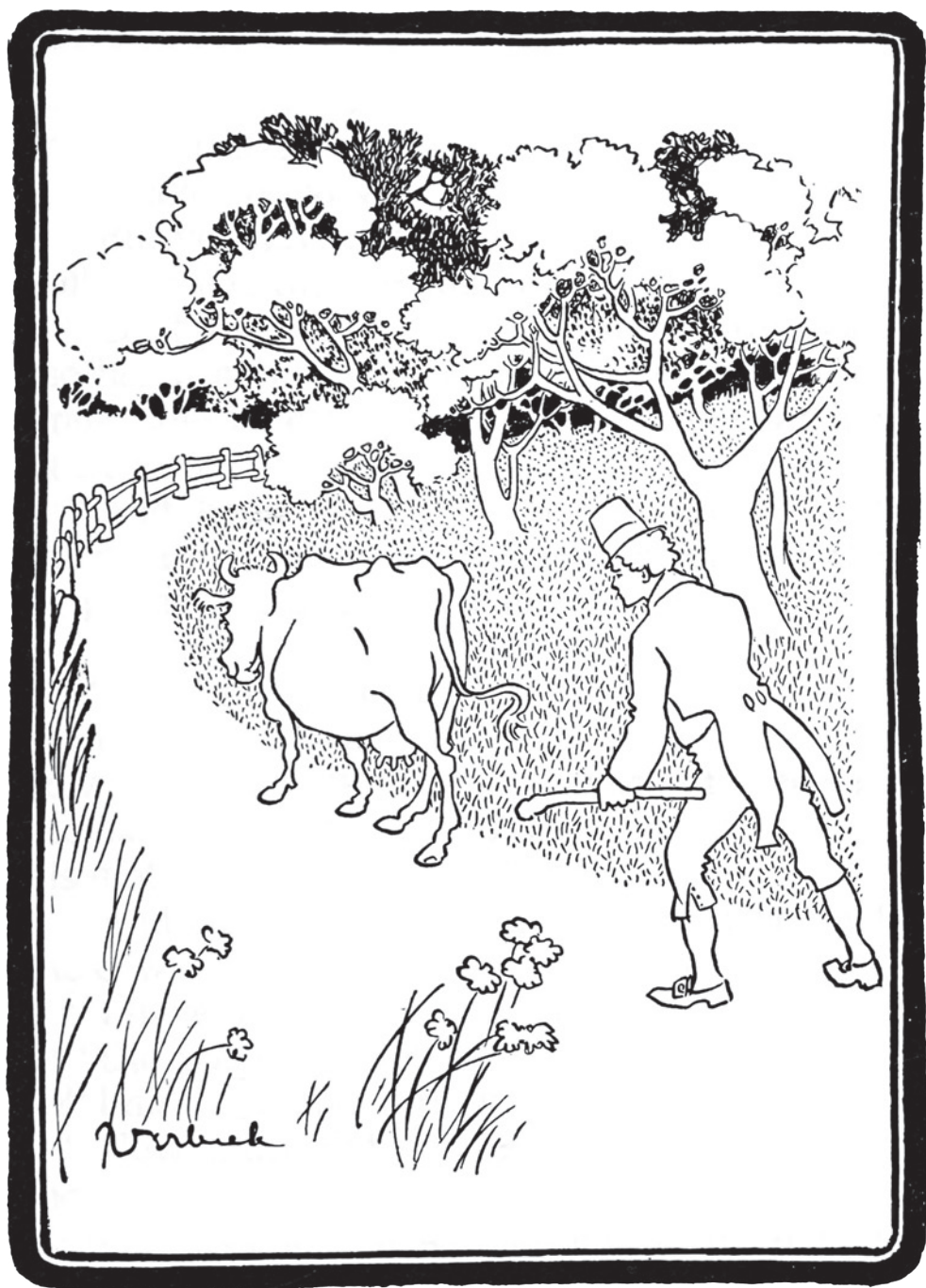
Жила-была вдова с единственным сыном, которого звали Джек. Они держали трех коров и жили в полном достатке. Но вот и для них настали черные дни; случился неурожай, и нужда постучалась к ним в избу. Круто пришлось им, бедным.

— Ничего не поделаешь — подумала старуха, — придется продать корову.

И вот однажды вечером она сказала сыну:

— Встань, Джек, завтра пораньше и отведи нашу Буренку на ярмарку; там продашь ее.

Сказано — сделано. Раным-рано встал наш Джек, вооружился хорошей палкой и погнал Буренку на ярмарку. На ярмарке Джек увидал густую толпу, запрудившую всю улицу. Джек протолкался вперед, чтобы узнать, в чем дело, и увидал низенького человечка с мышью, пчелой, тараканом и крохотной арфой.

Джек вооружился хорошей палкой и погнал Буренку на ярмарку.

Человечек спустил своих зверей наземь и свистнул; в ту же минуту пчела заиграла на арфе, а мышь и таракан, став на задние лапки и обнявшись передними, пустились в пляс. И едва пчела заиграла на арфе, а мышь с тараканом принялись плясать, как за ними завертелась вся ярмарка; мужики и бабы, горшки и колеса, телеги, кастрюли пустились в пляс по всему городу. Джек с Буренкой не отставали от прочих.

Никогда еще, ни раньше, ни после город не представлял собой такой забавной картины. Спустя немного времени маленький незнакомец поднял своих зверей с земли, положил их в карман — и все остановилось: мужики и бабы, Джек со своей Буренкой, горшки и кастрюли, возы и телеги; и такой напал на всех хохот, что чуть животики не надорвали. Вдруг незнакомец обратился к Джеку:

— Джек, хочешь быть хозяином этого зверинца?

— Не отказался бы, — промолвил Джек.

— А если так, за чем же дело стало? — продолжал незнакомец.

— У меня нет денег.

— Но у тебя есть корова. Я тебе отдам за нее пчелу и арфу.

— Нет, — сказал Джек, — бедная матушка сидит дома и плачет, и я должен продать корову, чтобы хоть немного ее развеселить.

— На что лучшего веселья! — возражал незнакомец. — Если она увидит пчелу, играющую на арфе, то так будет смеяться, как ей еще не приходилось во всю жизнь.

— Вот это мысль! — согласился Джек.

Ударили по рукам. Незнакомец взял корову, а Джек отправился домой с пчелой и арфой в кармане. Старушка радостно встретила сына:

— Ты-таки продал корову, Джек?

— Продал, матушка.

— И выгодно продал ее?

— Превыгодно, матушка.

— Сколько же ты выручил за нее?

— Я продал ее не за деньги, а обменял на товар почище денег.

— Джек, Джек, что ты наделал!

— Молчи, матушка, пока не увидишь; сама будешь хвалить меня.

И Джек вытащил из кармана пчелу и арфу, поставил их на пол и засвистал. Заслышав свист, пчела начала играть на арфе.

При виде такого дива, старушка не выдержала, громко расхохоталась и пустилась в пляс. Вслед за ней заплясал и Джек, а за ними и горшки и кастрюли, кочерга и ухваты — словом, вся изба пустилась в пляс.

Джек поднял с полу пчелу и арфу, и пляска прекратилась; но старушка еще долго хохотала. Успокоившись, она сильно разгневалась на Джека, обозвала его дураком и простофилей, который спускает лучшую корову за бесценок, в то время как в доме нет ни корки хлеба, ни полушки денег.

— Нам нечем жить, — закончила она. — Завтра утром отведи на ярмарку нашу Чернавку и продай ее.

На заре Джек поднялся и погнал на ярмарку Чернавку. На ярмарке он опять увидел густую толпу народа.

— Что за притча? — подумал Джек.

Протолкавшись вперед, он увидел вчерашнего незнакомца с мышью и тараканом. Произошла вчерашняя история: животные плясали, а с ними вся ярмарка. Потом незнакомец спросил Джека:

— Не купишь ли моих зверей?

— И рад бы душой, да не могу, — ответил Джек.

— Почему же?

— У меня нет денег. А бедная, убитая горем матушка сидит дома и ждет не дождется денег, которые я должен выручить за корову. Надо хоть чем-нибудь порадовать ее.

— Для этого самое подходящее — моя мышка. Когда пчела заиграет на арфе, а мышь запляшет, то твоей матушке станет так весело, как никогда еще на ее веку не бывало.

— Но у меня нет денег, чтоб заплатить тебе за мышь, — твердил Джек.

— И не нужно. Я отдам свою мышь за твою корову.

Бедному Джеку так хотелось иметь мышь, что он охотно согласился на мену: взял себе мышь, а Чернавку отдал незнакомцу.

Когда Джек с мышью в кармане подходил к дому, мать радостно встретила его:

— Продал корову, сынок?

— Как не продать — продал!

— И выгодно продал?

— Превыгодно, матушка.

— А много-ль выручил денег?

— На что деньги, матушка, — я взял товар почище денег.

— Ах, Джек, Джек, — заплакала старушка. — Что ты на-творил!

— погоди плакать, матушка, — и Джек угостил старуху-мать вместо хлеба музыкой и пляской своего зверинца.

Придя в себя, старуха напустилась на Джека.

— Глупый ты, ни к чему негодный мальчишка. У нас в доме ни гроша, ни крошки хлеба, а ты спустил задаром двух лучших коров. Теперь у меня осталась одна Пеструшка. Отведи ее завтра на ярмарку и продай. Порадуй меня хоть разочек.

Но поутру Джек променял Пеструшку на таракана, которого и принес домой.

Нахохотавшись и наплясавшись, старуха долго бранила Джека; кончилось тем, что она ударилась в слезы.

Бедный Джек понял, что он действительно наделал глупостей; и вот он пошел бродить куда глаза глядят по дороге, раздумывая, чем бы помочь бедной матушке.

Ему попалась на глаза старушка, которая спросила его:

— Ты что ж, Джек, не идешь попытать счастья у дочери Ирландского Короля?

— Как так? — молвил Джек.

— Да разве ты не знаешь, что дочь Ирландского Короля уже семь лет, как ни разу не улыбнулась, и Король обещал и принцессу, и все королевство тому, кто сумеет рассмешить ее три раза подряд.

— Если только за этим остановка, — молвил Джек, — то мое дело в шляпе.

Он поспешил домой, забрал пчелу, арфу, мышь и таракана в карман и распрощался с матерью, обещав в скором времени дать ей о себе весточку. И отправился в путь.

Приближаясь к королевскому замку, Джек заметил, что он обсажен кольями, на которых торчали человеческие головы.

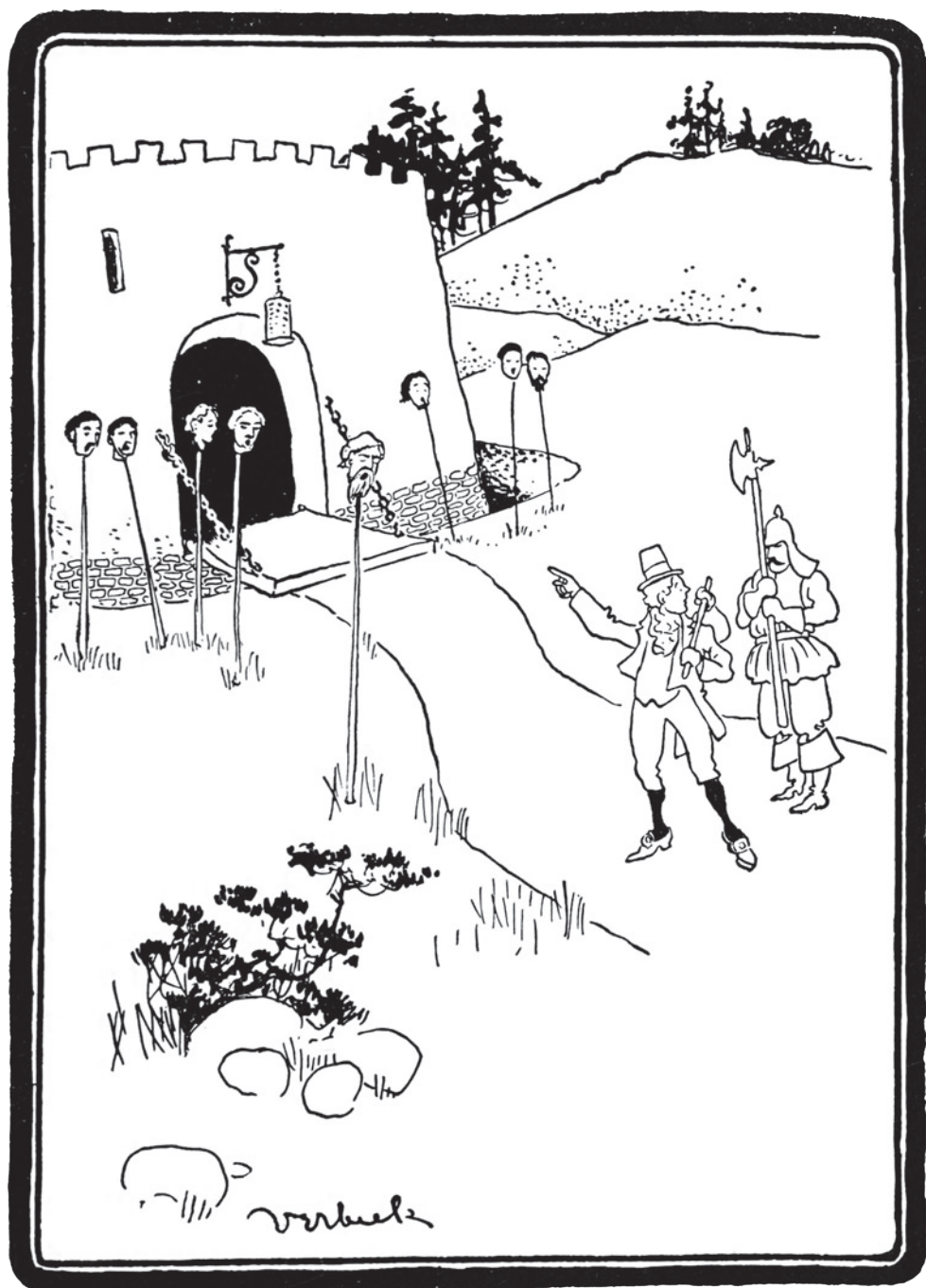
— Это что за штука? — спросил он у королевского стражника.

— Каждому смельчаку, вызвавшемуся рассмешить принцессу три раза подряд и не сделавшему этого, снимают голову и сажают на кол, — был ответ. — Это все головы таких неудачников.

— Немалая компания, — заметил Джек.

И попросил доложить о себе королю и принцессе.

Вскоре вышли король, королева, принцесса и весь двор и уселись перед дворцом в кружок на золотых и серебряных стульях.

*Приближаясь к королевскому замку, Джек заметил,
что он обсажен кольями, на которых
торчали человеческие головы.*

Приказано было привести Джека. Готовясь предстать пред королевские очи, Джек вытащил из кармана пчелу с арфой, мышь и таракана, привязал их друг к другу шнурком, а сам взял конец шнурка в руки и в таком виде направился в королевский двор.

Когда король, королева и их приближенные увидели Джека в рубище, с мышью, пчелой и тараканом, ковыляющим вслед, то все так и покатались со смеху. Принцесса подняла голову, чтобы узнать, чему все смеются, увидела Джека с его зверинцем, раскрыла рот и принялась хохотать, как никогда еще в жизни не смеялась.

Джек отвесил принцессе глубокий поклон и промолвил:

— Спасибо, миледи; на одну треть ты моя.

Затем он собрал своих зверей в кружок и свистнул. В ту же минуту пчела заиграла на арфе, а мышь с тараканом встали на задние лапки, передними обнялись и пустились в пляс.

Король, королева, все царедворцы и челядь, весь замок — все закружилось и завертелось в бешеной пляске. При виде этого принцесса не выдержала и захохотала громче прежнего. Джек снова поклонился ей и промолвил:

— Благодарю тебя, миледи; ты уже на две трети моя.

Джек и его звери продолжали плясать и кружиться, но принцесса больше не смеялась.

Бедному Джеку уже стал мерещиться образ его головы на шесте в числе прочих. Но ловкая мышка пришла к нему на помощь. Она стала на пятки и закружилась; при этом кончик ее хвоста попал в нос таракану; тот зачихал и долго не мог остановиться. Тут принцесса залилась таким смехом, какого еще свет не слышал.

— Благодарю тебя, милая принцесса, — молвил Джек с поклоном, — ты теперь моя.

Джек поднял своих зверей с земли и король повел его во дворец. Здесь его умыли и причесали, нарядили в платье из шелка и бархата, отделанное драгоценными камнями, и привели к принцессе. Принцесса объявила, что не видала молодца прекрасней и милей Джека, и с радостью пошла за него замуж.

Джек отправил нарочных за своей старухой-матерью. Пировали девять дней и девять ночей, и каждый день веселей предыдущего. Все дворяне, купцы и прочий люд ирландский получили приглашение на эту веселую свадьбу. И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало.

Сумка Ведьмы

NCE on a time, long, long ago...

Жила-была старуха, у которой было три дочери. Когда отец их помер, мать знала, что сироты не будут нуждаться, потому что отец оставил им большую кожаную сумку, набитую серебром и золотом. Но не успели его даже похоронить как следует, как пришла Ведьма, переряженная нищенкой. Прося милостыню, она ухитрилась стянуть сумку с серебром и золотом и скрылась, так что никто даже не знал, по какой дороге она ушла.

Так вдова со своими дочерьми внезапно обеднела, и ей пришлось без устали трудиться, чтобы прокормиться и воспитывать дочерей.

Но вот дочери подросли, и старшая говорит ей однажды:

— Матушка, я уже молодая женщина, и мне стыдно сидеть дома без всякого дела и пользы. Испеки мне овсяную лепешку, и я пойду по белу свету искать счастья.

Мать испекла ей лепешку и спросила, желает ли она половину лепешки с материнским благословением, или же всю лепешку без благословения. Дочь пожелала целой лепешки без материнского благословения.

И вот она отправилась в путь-дорогу.

— Если я не вернусь через год и день, — сказала она родным, — то знайте, что я жива и здорова и нашла свое счастье.

Шла она долго, пока не пришла в незнакомую страну. Подойдя к встретившейся ей по дороге избушке, она увидела в ней старую-престарую Ведьму. Ведьма спросила ее, куда она идет, и девушка сказала, что идет искать счастья.

— Не остаться ли тебе у меня, — молвила Ведьма. — Мне как раз нужна служанка.

— А что я буду делать у тебя?

— Будешь умывать и одевать меня, подметать печурку. Но горе тебе, если ты когда-нибудь вздумаешь поглядеть в трубу.

— Я согласна, — проговорила девушка.

Наутро, когда Ведьма проснулась, девушка умыла и одела ее; а когда Ведьма ушла, она чисто вымела печурку и подумала при этом: большой беды не будет, если я одним глазком взгляну в трубу.

Она подняла глаза, — и, о, чудо! — в трубе висела кожаная сумка с серебром и золотом, украденная у ее матери! Она тотчас же схватила ее, закинула на спину и со всех ног пустилась к дому.

Не успела она порядком отбежать от избушки Ведьмы, как ей встретилась лошадь, пасшаяся в поле. Увидя девушку, лошадь промолвила человеческим голосом:

— Поскреби меня! Поскреби меня! Вот уже семь лет как меня никто не скреб.

Но та только ударила ее палкой, которую держала в руках, и согнала с дороги.

Вскоре она встретилась с овцой, которая проговорила:

— Остриги меня! Остриги меня! Уж семь лет как меня не стригли.

Но девушка ударила овцу и согнала ее прочь с дороги.

Еще дальше она встретила стреноженного козла, который взмолился к ней:

— Перемени мои путы, перемени мои путы! Вот уже семь лет как мне не меняли пут.

Но она швырнула в козла камнем и продолжала свой путь.

Еще дальше ей попалась печка, которая обратилась к ней:

— Вычисти меня, вычисти меня! Уже семь лет как меня никто не чистил.

Но девушка бросила на печку сердитый взгляд и пробежала мимо.

Потом ей встретилась корова.

— Подои меня! Подои меня, — сказала корова. — Меня не доили уже семь лет.

Девушка столкнула корову с дороги и побежала дальше.

Наконец она приблизилась к мельнице.

— Поверни меня, поверни меня, — взмолилась мельница. — Вот уже семь лет как меня не поворачивали.

Девушка вошла внутрь и растянулась за мельничной дверью, положив сумку под голову: уже настала ночь.

Вернувшись домой и увидя, что девушка сбежала, Ведьма кинулась к печурке, заглянула в трубу и убедилась, что сумка исчезла. Она пришла в ярость и немедленно пустилась в погоню.

Вскоре она увидела лошадь и спросила ее:

— О, лошадка, лошадка, не видала ли ты моей служанки с кожаной сумкой и золотом-серебром, что я накопила смолоду?

*Но она швырнула в козла камнем
и продолжала свой путь.*

— Она недавно пробежала здесь, — ответила лошадь.

Ведьма припустила и вскоре встретила с овцой.

— Овечка, овечка, не видала ли ты моей девки, с кожаной сумкой и серебром-золотом?

— Видала, — молвила овечка. — Она недавно еще пробежала мимо.

Такой же ответ дали ей козел, печка и корова. Наконец она увидела мельницу:

— Мельница, мельница, не видала ли ты моей девки с кожаным мешком, с серебром-золотом, что я накопила смолоду?

И сказала мельница:

— Видала; она спит у меня за дверью.

Ведьма вошла, ударила девушку своей белой клюкой и превратила ее в камень. Забрав сумку с серебром и золотом, она отправилась домой.

Прошел год и день со времени ухода старшей дочери вдовы. Видя, что сестра не возвращается, средняя дочь сказала матери:

— Сестра, как видно, очень хорошо устроилась; не стыдно ли мне, матушка, сидеть дома без всякого дела и пользы! Испеки мне овсяную лепешку, и я пойду искать по свету счастья.

Мать спросила, чего она желает: половины ли лепешки с родительским благословением, или целой без благословения.

Дочь предпочла второе и двинулась в путь-дорогу. На прощанье она сказала:

— Если я не вернусь через год и день, то знайте, что я здорова и нашла свое счастье.

Но ее постигла участь старшей сестры.

Прошел год и день, а она все не возвращалась. И сказала младшая дочь вдовы:

*Ведьма вошла, ударила девушку своей белой клюкой
и превратила ее в камень.*

— Сестры добыли свое счастье; неужели мне просидеть здесь весь век без всякого дела и пользы для себя и других. Испеки-ка мне, матушка, лепешку; пойду и я искать счастья.

Мать спросила и ее, желает ли она половину лепешки с родительским благословением, или целую лепешку без благословения.

И дочка ответила:

— Дай мне половину лепешки, и благослови меня, матушка.

Мать благословила ее, дала ей половину лепешки, и та отправилась в путь.

Подобно старшим сестрам, она после долгих странствий пришла к избушке Ведьмы и нанялась к ней в служанки; и точ-

но так же, заглянув в трубу и увидев кожаную сумку с золотом и серебром, она ее схватила и пустилась наутек.

Пробежав мимо лошади, она услышала ее жалобную мольбу:

— Поскреби меня! Поскреби меня! Меня уже семь лет не скребли.

— Бедная лошадка, — молвила девушка.

И положив сумку в сторону, она поскребла лошадь скребницей.

Дальше ей встретилась овца, жалобно просившая:

— Остриги, остриги меня! Уже семь лет как меня не стригли.

— Бедная, бедная овечка! — молвила девушка. — Я тебя остригу.

И она остригла овцу.

Козлу она переменила путы, почистила печку и подоила корову. Наконец, она прибежала к мельнице. Мельница взмолилась:

— Поверни меня, поверни меня! Вот уже семь лет как меня не поворачивали.

— Бедная, бедная мельница, — сказала девушка, и повернула мельницу.

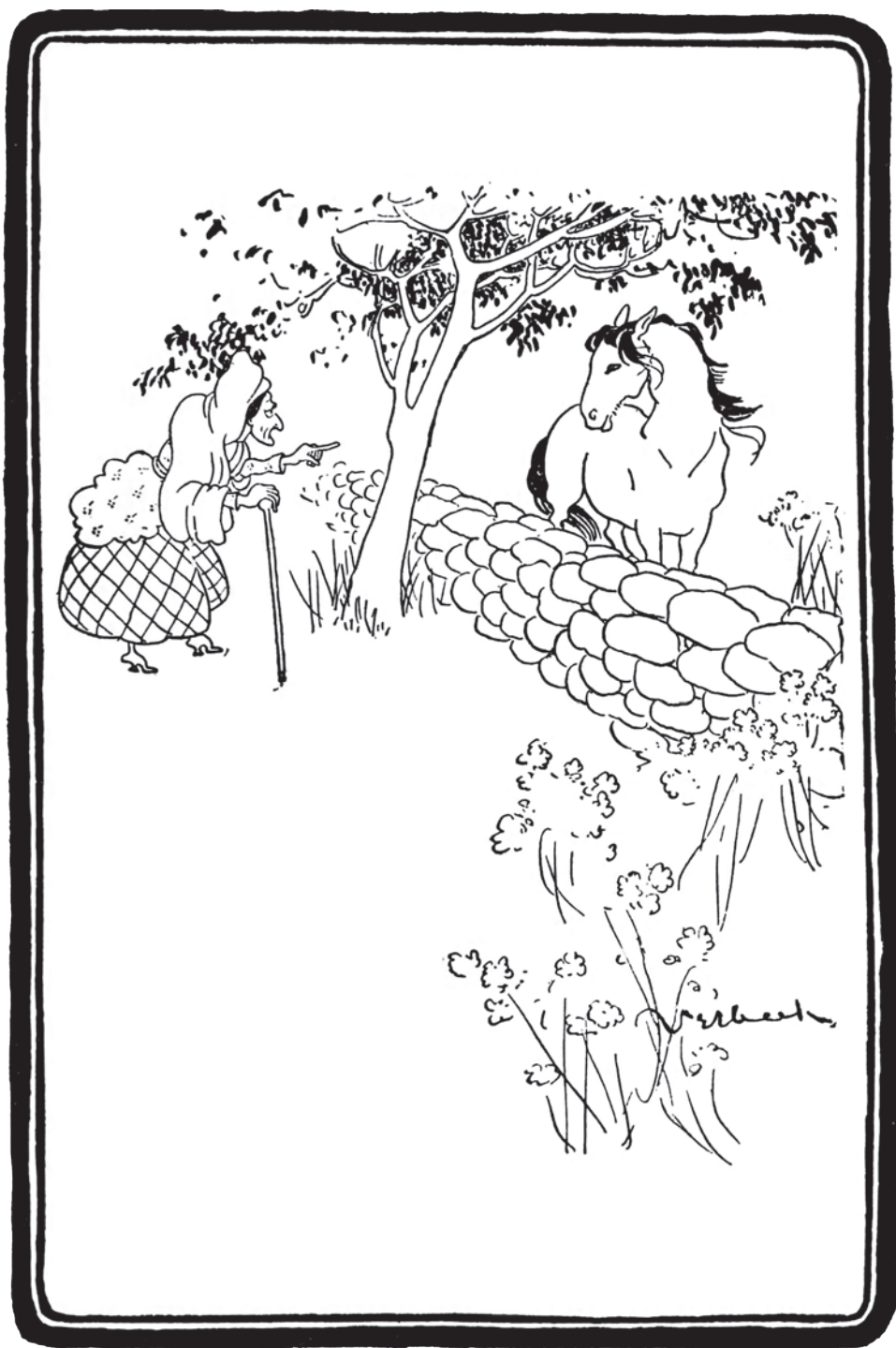
Так как уже стемнело, то она вошла в мельницу и улеглась за дверью спать.

Вернувшись домой и не застав девушки, Ведьма кинулась к трубе и увидела, что сумка исчезла. Придя в страшную ярость, она кинулась в погоню за девушкой.

Прибежав к лошади, она спросила ее:

— Лошадка, лошадка, не видала ли ты моей служанки с кожаным мешком, с златом-серебром?

— Ты думаешь, у меня только и дела, что сторожить твоих служанок? — ответила лошадь. — Ступай, поищи в другом месте.

*Лошадка, лошадка, не видала ли ты моей служанки
с кожаной сумкой и золотом-серебром, что я накопила смолоду?*

*Дома мать безуданно проливала слезы,
считая их погибшими. Представьте ее радость,
когда она их увидела целыми и невредимыми,
да еще с мешком золота и серебра!*

Такой же ответ дала ей овца, козел, печка и корова. Наконец, она увидела мельницу.

— Мельница, мельница, не видала ли ты моей служанки с кожаным мешком, со златом-серебром?

— Подойди ближе, — ответила мельница, — и скажи мне на ухо.

Ведьма подошла к мельнице поближе, а та завертела ее в свои колеса и размолоча в муку.

Падая, Ведьма уронила свою белую клюку.

Мельница приказала девушке ударить этой клюкой два камня, стоявшие за дверью. Та послушалась, и — о чудо! — перед

ней очутились ее пропавшие сестры. Она взвалила сумку с золотом себе на плечи, и все вместе они двинулись домой.

Дома мать безудержно пролиwała слезы, считая их погибшими. Представьте ее радость, когда она их увидела целыми и невредимыми, да еще с мешком золота и серебра!

СОДЕРЖАНИЕ

Плэшем	7
Амадан Тестовик	24
Кональ, Дональ и Тэг	39
Мельник Манис	47
Горбун-Кривулька.....	57

Богатый Дональ и бедный Джек.....	81
Снег, Ворон и Кровь.....	89
Приключения Сиада.....	103
Пчела, Арфа, Мышь и Таракан.....	123
Сумка Ведьмы.....	132

Шеймас Макманус
ИРЛАНДСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Том 159

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010
не требуется знак информационной продукции, так как данное издание
классического произведения имеет значительную историческую,
художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка,
обработка иллюстраций
дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Сдано в печать 16.04.2023
Объем 9 печ. листов
Тираж 3100 экз.
Заказ № 1973/23

Бумага
Сыктывкарская пухлая книжная кремовая офсетная 60 г/м²

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А, www.pareto-print.ru

В новейшей истории Ирландии было немало людей, которые тщательно собирали фольклор своей родины. Известным популяризатором ее древних мифов стал Джеймс Стивенс. Его единомышленником был писатель и драматург Шеймас Макманус. Он появился на свет в самом конце 1867 г. на севере Ирландии в семье торговца, жившего в маленькой деревушке Танталлон. Записывать сказки Шеймас начал, став школьным учителем. Он не раз слушал, как их проговаривали шанхаи — так в Ирландии называли профессиональных сказителей. Они передавали друг другу саги, легенды и сказки из уст в уста, не записывая их. Макманус же прекрасно понимал, что это национальное достояние обязательно должно быть зафиксировано на бумаге. Любовь к ирландскому фольклору

и литературе помогла Шеймасу обустроить и личную жизнь. Его первой супругой в 1901 г. стала ирландская поэтесса Этна Карбери. К сожалению, болезнь рано оборвала ее жизнь. Возможно поэтому Макманус вскоре решил начать новую жизнь. Он пересек Атлантику и начал публиковать собранные им сказки в американских журналах. Там же, в США, в 1921 г. вышла его «Популярная история Ирландии». Писатель прожил очень долгую жизнь, перешагнув девяностолетний рубеж и оставив после себя сборники сказок своей родины.

Сказки в этой книге проиллюстрированы рисунками американского художника Фрэнка Вербека. У себя на родине, в штате Огайо, и за его пределами он снискал себе славу талантливого анималиста. Фрэнк появился на свет в середине XIX в. Его отец был простым сапожником, который мастерски владел ножом и дратвой. Возможно поэтому Фрэнк вначале стал резчиком. Особенно ему удавались фигурки животных. Он начал их рисовать, и вскоре из-под его пера стали появляться забавные изображения зверей и птиц, которые своей мимикой, позами, телодвижениями, а порой и мордами удивительно напоминали людей. Следуя своему таланту, Вербек перебрался в Нью-Йорк, где получил художественное образование. Его рисунки стали регулярно появляться на страницах различных американских журналов. Наибольшее удовольствие Фрэнку доставляла работа над проектами с веселым сказочным сюжетом, который был связан с животными. Он проиллюстрировал «Справочник по гольфу для медведей», одну из книг Баума из серии про волшебную страну Оз, некоторые сказки Харриса про дядюшку Римуса, «Сказки о животных на ночь» и еще множество подобных изданий. В этом ряду стоят и проиллюстрированные им ирландские сказки, собранные Шеймасом Макманусом.

